

Ректор x Ромы x Другой мир x Любовь x Алиса

Алиса x Ректор x Ромы x Другой мир x Любовь x Алиса

Ректор x Ромы x Другой мир x Любовь x Алиса x Ректор x Ромы

ПОПАДАНКА

Институт Смертельных Наук

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Ярослава
Князь

Фэнтези

Любовный роман

Юмор

Алиса x Ректор x Ромы x Другой мир x Алиса x Ректор x Ромы

Ярослава Князь
Попаданка под прицелом.
Институт Смертельных Наук
Серия «Институт
Смертельных Наук», книга 2

*<https://litres.ru/73929156>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я всего лишь хотела открыть дверь. А получила пробуждённый Источник, разрушенный фонтан и ректора, который назвал меня «капец».

Теперь я — Алиса Ашерон, страж Источника и ключ к порталу между мирами. Враги не дремлют: Ковен следит за каждым моим шагом, магистр Вэйн плетёт интриги, а с той стороны двери кто-то уже стучится. И, кажется, хочет войти.

Но есть и хорошие новости: ректор теперь на «ты», друзья рядом, а печенье Морганы всё ещё вкусное. Только вот порочество не закончилось. Оно только начинается.

Добро пожаловать обратно в Институт Смертельных Наук. Мантии всё ещё не жмут, драконы всё ещё кусаются, ректор всё ещё бесится. Но теперь я под прицелом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Если ты не дошла до столовой, а попала в целительский корпус — это только начало	9
Глава 2: Если ты ещё не можешь ходить, но уже клянёшься спасти друга — это в твоём стиле	25
Глава 3: Если ты выписалась из целительского корпуса, а Джонатан уже ждёт с документами — это и есть твоя рутина	50
Глава 4: Если день начался с плохого знака, а закончился... неожиданно — это уже твоя странная закономерность	70
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ярослава Князь Попаданка под прицелом. Институт Смертельных Наук

Пролог

Я не успела испугаться. Не успела даже вскрикнуть. Просто вдруг поняла, что лечу — спиной вперёд, раскинув руки, как тряпичная кукла. Воздух свистел в ушах. Перед глазами пронеслась лаборатория — перевёрнутая, искажённая, как в кривом зеркале: столы, инструменты, серебряные пластины, — всё это взметнулось в воздух вместе со мной.

Я скатилась на пол и осталась лежать среди обломков, не в силах пошевелиться. В ушах звенело. Перед глазамиплыли круги. Где-то справа дымился стол. Оконные рамы выбило взрывной волной, и осколки стекла усыпали пол, как ледяная крошка. Часть стены обрушилась, открывая вид на коридор. Пыль висела в воздухе, медленно оседая на руины. Лаборатория, которую восстановили после моего первого взрыва, снова лежала в руинах.

Шаги. Быстрые. Тяжёлые. Я услышала их сквозь звон в

ушах, сквозь грохот осыпающихся камней. Дверь лаборатории — вернее, то, что от неё осталось, — с грохотом распахнулась, и на пороге возник Дамиан.

Он замер. На секунду. Всего на одну секунду. Но я видела, как его лицо меняется. Как серебряные глаза обводят руины — обломки столов и выбитые окна. Как его взгляд останавливается на мне — живой, но перепачканной пылью, с царапинами на щеках, с кровью на разбитой губе. Как что-то в его глазах гаснет — и загорается снова. Но теперь это был не страх. Это была ярость.

— Что. Здесь. Произошло.

Каждое слово — отдельно. Каждое — как удар молота. Он не кричал. Пока не кричал. Но его голос был таким, что я просто смотрела на Дамиана и не могла отвести взгляд.

— Я не знаю, — прохрипела я, всё ещё не в силах подняться. — Оно просто... я только коснулась...

— Ты только коснулась. — Он повторил это медленно, как будто пробовал слова на вкус. — Как в прошлый раз. Как всегда. Ты только коснулась — и лаборатория в руинах. Ты только коснулась — и артефакт, который делали неделями, взорвался. Ты только коснулась — и я снова нахожу тебя на полу, в крови, среди обломков. Снова. Опять. Всегда.

Он шагнул ко мне, и я увидела, как дрожат его руки. Не от страха — от гнева. Он держал этот гнев в себе слишком долго. Месяцами. С тех пор, как я появилась в его Институте. С тех пор, как я сорвала собрание. С тех пор, как я сварила

поющее зелье. С тех пор, как я упала из кареты. С тех пор, как я открыла портал. С тех пор, как я дралась с Вэйном. С тех пор, как я спорила с ним, с Лиарой, с Ковеном, со всеми, кто вставал у меня на пути. Он боялся за меня каждый день. Каждый час. Каждую минуту. И этот страх наконец нашёл выход.

— Ты не студентка, — произнёс он, и его голос был ледяным. — Ты ходячая катастрофа. Ты не учишься. Ты споришь. Ты влипаешь во всё, во что можно влипнуть. Ты относишься к опасностям так, будто это игра. Будто завтра всегда наступит. Будто я смогу вечно стоять рядом и вытаскивать тебя из огня.

Он остановился в шаге от меня. Я видела, как вздымается его грудь. Как побелели костяшки сжатых кулаков. Как в серебряных глазах плещется что-то, что он больше не мог сдерживать.

— Я не могу больше. Хватит. С тебя хватит приключений. Он выдохнул. И сказал — тихо, но так, что услышали все: — Ты вообще капец. Ты отчислена.

Я замерла. На секунду мне показалось, что я ослышалась. Что это шутка. Что сейчас он улыбнётся уголком губ и скажет: «Я предупреждал». Но он не улыбнулся. Он стоял передо мной — прямой, напряжённый, с побелевшими костяшками сжатых кулаков, — и в его глазах не было ни капли шутки. Только ярость. И боль. И страх, который он больше не мог прятать.

И тут меня накрыло.

— Что?! — Я поднялась на ноги, даже не заметив, как это произошло. Тело болело, в ушах всё ещё звенело, но сейчас это было неважно. — Ты отчисляешь меня? За то, что я вышла? За то, что я работала с артефактом, который должен был помочь всем нам? За то, что я снова оказалась в эпицентре взрыва, который устроил кто-то другой?

— За то, что ты снова оказалась в эпицентре взрыва! — Его голос сорвался на крик. — За то, что ты всегда там! Всегда! Каждый раз, когда я оставляю тебя одну, я нахожу тебя в руинах! Ты хоть понимаешь, что я чувствую? Хоть на секунду?

— Я не просила тебя меня спасти!

— А я не просил тебя постоянно рисковать собой!

Мы стояли друг напротив друга — злые, растрёпанные, перепачканные пылью, — и орал так, что стены дрожали. Я видела, как за его спиной Джонатан нервно теревит планшет. Как Лили прижимает ладони к щекам. Но мне было плевать. Потому что он отчислял меня. Не за проваленный экзамен. Не за опоздание. За то, что я — это я. За то, что я влипаю. За то, что я спорю. За то, что я не могу стоять в стороне.

— Я не могу просто сидеть и перебирать бумажки, пока другие рискуют! — выкрикнула я. — Я не могу, Дамиан! Это не я!

— А я не могу больше находить тебя в крови! — Он ударил кулаком по уцелевшему столу, и тот жалобно скрипнул.

— Я устал. Слышишь? Устал! Каждый день. Каждый час. Ты выходишь за дверь — и я не знаю, вернёшься ли ты. Ты прикасаешься к артефакту — и он взрывается. Ты спускаешься в подвал — и я нахожу тебя на коленях, без сил. Я не могу так больше. Не могу. Поэтому — да. Ты отчислена.

Глава 1: Если ты не дошла до столовой, а попала в целительский корпус — это только начало

Я шла по коридору Института Смертельных Наук и думала о том, как странно иногда поворачивается жизнь.

Ещё полгода назад я сидела в колл-центре, отвечала на звонки разъярённых клиентов и мечтала о роллах с угрём. Теперь я — Алиса Ашерон. Спутница ректора. Ключ к древнему Источнику. И, по совместительству, помощница секретаря с испытательным сроком, который, кажется, давно истёк, но никто не удосужился это оформить.

Институт жил своей обычной жизнью. За высокими стрельчатыми окнами сгущались сумерки — оранжевые с фиолетовым, как всегда, потому что магическое поле преломляло свет особым образом. Я уже настолько привыкла к этому небу, что перестала замечать его необычность. Факелы на стенах тихо потрескивали — низшие огненные духи, питающиеся страхом студентов. Они больше не пытались подпалить мне волосы. То ли привыкли, то ли поняли, что я не боюсь. Портреты на стенах перешёптывались, обсуждая последние новости. Портрет в синей рамке — мой старый знакомый, главный сплетник Института — сегодня спал, смешно приоткрыв нарисованный рот и посапывая.

Я свернула в восточное крыло, прошла мимо библиотеки (оттуда доносился тихий голос Алдрика — кажется, он читал книгу вслух или, может, отчитывал её за что-то), мимо горгульи, которая проводила меня задумчивым каменным взглядом, и вышла во внутренний двор.

Здесь всё изменилось.

Когда-то в центре двора бил фонтан с серебристыми магическими искрами. Я любила стоять рядом с ним, глядя, как светящиеся струи взмывают вверх и рассыпаются на тысячи огоньков. Но фонтан исчез в ту ночь, когда я открыла дверь в подвал. Источник пробудился, сила вырвалась наружу — и фонтан разнесло вдребезги.

Теперь на его месте был пруд.

Дамиан распорядился засыпать воронку, укрепить стены магией и заполнить получившееся углубление водой. Получился небольшой водоём — спокойный, тёмный, с кувшинками, которые Лили вырастила специально для этого места. Она сказала, что они светятся по ночам. Я ещё не проверяла. По краям пруда стояли каменные скамейки — новые, специально привезённые откуда-то по заказу ректора. На одной из них сейчас сидели две первокурсницы. Они склонились над учебником и хихикали, поглядывая на воду. Обычный вечер. Обычная жизнь.

Я остановилась у пруда и посмотрела на своё отражение. Из воды на меня глядела молодая женщина в чёрной мантии с серебряным шитьём. Волосы собраны в хвост — никаких

сложных причёсок, на них просто нет времени. На плече — едва заметная вышивка: маленький засушенный цветок лунного плюща, который Лили подарила мне много дней назад. Я до сих пор прикалывала его к мантии — на удачу.

Вода была спокойной, почти зеркальной. И в этом зеркале я видела не только себя, но и отражение башен Института, уходящих в небо. Чёрный камень, серебряные прожилки рун, горгульи на карнизах. Всё это стало моим домом. Станным, абсурдным, опасным — но домом.

Я вспомнила, как впервые шла по этому двору. Тогда я была напугана, растеряна, держала в руке ключ от комнаты и думала, что всё происходящее — галлюцинация. Прошло не так уж много времени, но сейчас это воспоминание казалось далёким, как сон.

Теперь у меня были друзья. Лили — эльфийка с плотоядным цветком по имени Огурчик. Кевин — призрак в скрипучих тапках. Моргана — мрачная наследница Блэквудов, которая пекла лучшее печенье в мире и шила платья, способные соперничать с нарядами королев. Джонатан — скелет-бухгалтер, который будил меня по утрам стуком костяного пальца по <https://litsovet.ru/books/999835-ropadanka-pod-pricelom-institut-smertelnyh-nauk>бу, цитировал регламент и цокал языком, хотя языка у него не было.

И Дамиан.

Лорд Дамиан Рейнхарт фон Ашерон. Ректор. Мужчина, который ждал двести лет. Который называл меня «адептка

Ашерон» при всех и «Алиса» — когда мы были одни. Который подарил мне платье. Который выпрыгнул за мной из кареты, когда я падала в ночное небо. Который признался мне в любви под артефактом правды, а потом сказал: «Ты вообще капец» — и это прозвучало как лучшее объяснение в чувствах.

Я улыбнулась своему отражению и пошла дальше.

Впереди был вечер. Нужно было зайти к Джонатану за отчётами, потом — в столовую, где меня ждали Лили, Кевин и Моргана. Потом — работа с документами, потому что должность помощницы секретаря никто не отменял. А завтра — пары, боевая магия у Лиары и, кажется, промежуточная сессия на носу.

Я не успела сделать и трёх шагов от пруда.

Воздух вокруг меня вдруг сгустился — не метафорически, а физически. Он стал плотным, вязким, как будто я шагнула не в пустой коридор, а в невидимый кисель. Я почувствовала это кожей — лёгкое покалывание, какое бывает перед грозой, когда волосы начинают потрескивать от статического электричества. Инстинкт, выработанный тренировками с Лиарой, завопил раньше, чем мозг успел осознать опасность.

Я вскинула руку, выставляя щит.

И в этот момент сверху, прямо из воздуха, на меня упала сеть.

Она была не простой — магической. Тонкие, как паути-

на, нити вспыхнули алыми искрами, едва коснувшись моего плеча. Я вскрикнула — не столько от боли, сколько от неожиданности, — и попыталась сбросить её, но сеть уже обвилась вокруг меня, стягивая руки и ноги с чудовищной скоростью. Она была живой — я чувствовала, как нити пульсируют, подстраиваясь под мои движения, предугадывая их. Чем больше я сопротивлялась, тем туже она затягивалась.

Искры пробежали по телу, оставляя после себя онемение. Там, где они касались кожи, мантия начинала дымиться. Запахло палёной тканью.

Ловушка. Это была ловушка. Кто-то наложил заклинание на этот участок и ждал, когда я пройду здесь. Знал мой маршрут. Знал, что я всегда хожу через внутренний двор после пар. Знал, что я останавливаюсь у пруда.

Я дёрнулась, пытаюсь освободиться, но сеть только сжалась туже. Искры впились в запястья, обжигая до крика. Я зашипела от боли, сдерживая вопль, — не хватало ещё, чтобы на мой крик сбежались первокурсники и увидели меня в таком состоянии. Гордость. Дурацкая, неуместная гордость.

Я попыталась собрать магию — ту самую, которую учила контролировать Лиара на бесконечных тренировках. Злость. Мне нужна была злость. Я представила щит — не прозрачный, не хрупкий. Каменную стену. С рунами, как на двери в подвал.

Щит вспыхнул вокруг меня — слабый, дрожащий, фиолетовый.

И тут же погас.

Сеть выпила его. Высосала досуха, как паук высасывает муху. Я почувствовала, как магия уходит из меня — не быстро, но неумолимо, как вода сквозь пальцы. Каждая попытка колдовать только подпитывала сеть, делая её ярче и туже. Я ничего не могла сделать. Абсолютно ничего.

Сеть сжалась сильнее. Я вскрикнула — на этот раз от настоящей боли. Искры прожигали мантию, оставляя на коже красные следы. Я чувствовала, как по руке течёт что-то тёплое. Кровь. Моя кровь. Ноги подкосились, и я рухнула на колени прямо на каменные плиты.

Никого вокруг. Тишина. Только я, задыхающаяся в магической паутине, пруд с кувшинками в нескольких шагах и безразличные звёзды над головой.

Тот, кто это сделал, уже ушёл. Ему не нужно было смотреть. Сеть должна была сделать своё дело сама — медленно, неотвратно, без свидетелей.

«Вот так, — мелькнула шальная мысль, совсем как тогда, в падающей карете. — Снова. Опять. Я только-только поверила, что всё будет хорошо. Что мы справились. Что Ковен позади, Вэйн повержен, портал стабилен».

Я попыталась ещё раз. Не щит. Не боевую магию. Что-то другое. Я вспомнила камень, который подняла на некромантии — не силой, просьбой. Я попыталась попросить сеть ослабнуть. Я представила, как она распускается, как нити расслабляются, как искры гаснут.

Ничего. Сеть была бездушной. Она не слушала. Она просто делала свою работу.

И в этот момент земля подо мной дрогнула.

Низкий, утробный гул прокатился под каменными плитами. Я почувствовала его всем телом — он шёл откуда-то из глубины, из-под земли, из самого сердца Института. Из пещеры, где пульсировал живой свет. Пруд пошёл рябью, кувшинки закачались на воде, словно испуганные птицы. Горгульи на карнизах зашевелились, открывая каменные глаза — они тоже почувствовали это.

Гул нарастал, становился громче, глубже, и в нём уже слышался не просто звук — голос. Древний. Разгневанный. Тот самый, что говорил со мной в пещере на языке, которого я не знала, но понимала.

Портал почувствовал угрозу и ответил.

Пол подо мной дрогнул.

Не мелкой дрожью — по-настоящему, как при землетрясении. Каменные плиты, уложенные столетия назад, ходили ходуном, и в трещинах между ними начал пробиваться свет. Золотой. Тёплый. Живой. Он струился из-под земли, как вода из прорванной плотины, заливая внутренний двор мягким сиянием.

Гул нарастал. Он шёл откуда-то из глубины, из-под земли, из самого сердца Института — низкий, утробный, вибрирующий. Я чувствовала его не только ушами, но и всем телом. Он резонировал с чем-то внутри меня — с той самой сереб-

ряной искрой, которая осталась в груди после пробуждения Источника. Портал звал меня. И я звала его — не голосом, не мыслью, а самим своим существованием. Ключ в опасности. Ключу нужна помощь.

Свет прорвался сквозь каменные плиты ослепительным потоком. Он хлынул вверх — золотой, с прожилками серебра, горячий, как дыхание дракона. Я зажмурилась, но даже сквозь сомкнутые веки видела его — он пульсировал, жил, дышал. И он был разгневан.

А потом грянул удар.

Не взрыв — волна. Чистая магия, копившаяся в Источнике веками, а теперь направленная одной-единственной целью: защитить Ключ. Она прокатилась по внутреннему двору, сметая всё на своём пути.

Сеть, сжимавшая меня, вспыхнула ослепительно-белым. Нити лопнули одновременно — я услышала их визг, тонкий, как звон разбитого стекла. Искры, только что впивавшиеся в мою кожу, погасли. Сеть взметнулась в воздух, подхваченная волной, — и рухнула в пруд.

Вода взорвалась фонтаном брызг. Кувшинки Лили, те самые, что она растила с такой любовью, разметало в стороны. Одна из них — нежно-розовая, моя любимая — перевернулась и закачалась на волнах вверх корнями. Сеть уходила на дно, всё ещё искрясь и шипя, и вода вокруг неё бурлила, словно кипяток.

Я рухнула на каменные плиты. Свободная. Живая.

Мир вокруг меня расплывался. Я лежала на холодном камне и смотрела, как золотой свет медленно вытягивается обратно в трещины. Он уходил нехотя, оставляя после себя тепло — как одеяло, которым укрывают перед сном. Портал сделал своё дело. Он защитил меня.

Внутренний двор выглядел так, будто по нему пронёсся ураган. Часть каменных плит, вырванных из кладки, валялась вокруг. Одна из них рухнула в пруд, подняв новую волну. Стена у меня за спиной пошла трещинами — длинными, змеящимися, как молнии. Окно рядом с аркой выбило, и осколки витража — те самые, что изображали танец скелетов, — усыпали пол разноцветным крошевом. Где-то вдалеке, кажется, обрушилась часть карниза — я слышала глухой удар и звон камней.

Я лежала посреди всего этого, не в силах пошевелиться. Мантия дымилась. На рукаве расплывалось тёмное пятно — кровь. Своя собственная. Голова кружилась, и звёзды над головой, такие далёкие и равнодушные, начали расплываться, сливаясь в одно золотистое пятно.

Сознание уходило медленно, как вода в песок. Я чувствовала, как холодеют пальцы. Как замедляется сердце. Как тело становится чужим, непослушным, словно я — не я, а просто кукла, забытая на полу.

«Не хочу умирать».

Эта мысль была не громкой. Не истеричной. Она была тихой и очень-очень спокойной. Как будто кто-то внутри меня

— не Алиса-попаданка, не Алиса-Ключ, а просто маленькая девочка, которая когда-то поливала бабушкин фикус по средам, — произнесла это шёпотом. «Не хочу умирать. Я ещё не всё сделала. Я ещё не попрощалась с Лили. Не съела последнее печенье Морганы. Не услышала, как скрипят тапки Кевина. Не сказала Дамиану...»

Я не успевала додумывать.

Темнота накрывала меня мягко, как одеяло. И я почувствовала, — тепло. Оно шло не от портала. Оно шло откуда-то изнутри. От серебряной искры в груди. Она всё ещё была там. Она не гасла.

Находясь на грани сознания, я услышала далёкий, но отчётливый звук.

Шаги. Быстрые. Тяжёлые. Приближающиеся.

Надо мной кто-то стоял.

Я не видела лица — только силуэт. Высокий. Широкоплечий. В чёрном мундире с серебряным шитьём, которое слабо мерцало в угасающем свете портала. Волосы, обычно идеально уложенные, были растрёпаны. И глаза — серебряные, холодные, — смотрели на меня с таким выражением, которого я никогда раньше не видела.

Дамиан опустился на колени прямо на усыпанный осколками камень. Его руки — тёплые, всегда тёплые, несмотря на ледяную магию, — обхватили моё лицо. Большой палец скользнул по щеке, стирая то ли сажу, то ли кровь. Я не знала, что именно. Да это было и неважно.

— Алиса, — произнёс он. Голос был низким, напряжённым. — Ты слышишь меня? Алиса!

Я слышала. Но сил ответить не было. Язык стал чужим, непослушным. Губы не шевелились. Вместо слов получился только слабый выдох — то ли вздох, то ли попытка что-то сказать.

Он подхватил меня на руки. Легко, как пушинку. Моя голова упала ему на плечо, и я вдохнула знакомый запах — морозной свежести и трав. Запах, который всегда означал безопасность. Запах дома.

— Ты опять во что-то вляпалась, — произнёс он, и в его голосе смешались ярость, страх и что-то ещё, чему я не знала названия. — Тебя нельзя оставить одну ни на минуту. Ты же говорила, что просто пойдёшь к Джонатану за отчётами. Отчёты, Алиса! А не ловушки! Не покушения!

Он говорил быстро, сбивчиво — так, как никогда не говорил раньше. Ледяной ректор, который всегда взвешивал каждое слово, сейчас недоволен, как обычный человек. Как мужчина, который до смерти испугался за свою женщину.

— У тебя талант, — продолжал он, шагая через разрушенный двор. — Настоящий талант. Не к магии. Не к зельям. К приключениям. К опасностям. К тому, чтобы находить неприятности на ровном месте. Я двести лет не знал, что такое страх, а теперь... теперь я боюсь каждый раз, когда ты выходишь из комнаты.

Я не отвечала. Просто не могла. Но губы сами собой дрог-

нули в слабой, едва заметной улыбке. Он заметил.

— Ты улыбаешься, — произнёс он, и его голос вдруг стал тише. Мягче. — Ты лежишь с прожжённой мантией, в крови, после покушения — и улыбаешься. Ты невозможная женщина, Алиса Ашерон.

Он прижал меня крепче.

— Не смей, — прошептал он куда-то в мои волосы. — Слышишь? Не смей. Ты — Ключ. Ты — моя. Ты нужна этому миру. И ты нужна мне.

Я хотела ответить. Хотела сказать: «Я знаю». Или: «Я тоже тебя люблю». Или просто: «Не бойся, я живучая». Но сознание уже ускользало, утекало, как вода в песок. Темнота накатывала волнами — мягкими, тёплыми, почти ласковыми.

Последнее, что я почувствовала, — как его руки сжались вокруг меня. Сильно. Надёжно. Как якорь.

Он остановился посреди разрушенного двора. Вокруг дымились вырванные из кладки камни, вода из пруда, выплеснувшаяся на плиты, застывала лужами, отражая звёзды, и где-то далеко, в другом крыле, слышался встревоженный голос Игнис. Но Дамиан не замечал ничего.

Он смотрел на меня.

На моё бледное лицо, перепачканное сажей. На прожжённую мантию, которая ещё дымилась. На кровь, медленно пропитывающую рукав. На мои закрытые глаза и ресницы, которые не вздрагивали.

Я не видела его в этот момент. Но я знаю, как он выглядел.

Я знаю его достаточно, чтобы представить.

Его серебряные глаза, всегда холодные и сдержанные, сейчас горели. Не яростью — нет. Ярость пришла позже. Сейчас в них был страх. Чистый, незамутнённый, животный страх — такой, какой он не испытывал уже очень, очень давно. Может быть, никогда.

Он едва не потерял меня.

Снова.

Сначала — карета, падение в ночное небо, пульсары, наёмники. Теперь — ловушка в самом сердце Института, в месте, которое должно было быть самым безопасным. Кто-то проник в его дом. Кто-то наложил заклинание там, где я ходила каждый день. Кто-то знал мой маршрут. Знал, что я останавливаюсь у пруда.

Он посмотрел на свою ладонь — ту, что прижимала меня к его груди. На пальцах осталась кровь. Моя кровь.

И тогда пришла ярость.

Я не видела, как изменилось его лицо. Но любой, кто оказался бы рядом в этот момент, отшатнулся бы. Это было лицо не ректора, не лорда Ашерона, не члена Ковена. Это было лицо человека, который готов убивать. Медленно. Со вкусом. С наслаждением.

— Я найду, — произнёс он. Голос был тихим, но в нём звенел лёд. Такой лёд, который не тает веками. — Кто бы это ни был. Где бы он ни прятался. Я найду. И уничтожу.

А потом он выдохнул. Медленно. Закрыв глаза на секун-

ду. И снова стал ректором. Собранным. Холодным. Готовым действовать.

— Потерпи, — сказал он мне, хотя я не слышала. — Мы уже в пути. Я успею.

И понёс меня в целительский корпус.

Мимо пруда, где всё ещё плавали обломки и перевёрнутые кувшинки. Мимо выбитого окна и треснувшей стены. Мимо портрета в синей рамке, который проснулся и теперь тарасился на нас, забыв закрыть рот. Мимо горгулий, провожавших нас каменными взглядами.

Он шёл быстро, но осторожно — так, чтобы не потревожить меня лишний раз. Его руки держали крепко и бережно одновременно. Как будто я была сделана из стекла. Как будто я всё ещё могла разбиться.

Впереди показались двери целительского корпуса. Там уже горел свет — они готовились к нашему приходу.

Дамиан не оборачивался. Но я знаю: он запомнил этот момент. Запомнил, как выглядел разрушенный двор. Запомнил вкус страха на губах. Запомнил тепло моей крови на своих пальцах.

И он ничего не забудет.

В комнате было темно. Только один магический светиль-

ник горел на столе — тусклый, приглушённый, отбрасывающий на стены длинные дрожащие тени. Мужчина сидел в глубоком кресле, спиной к двери. Перед ним на столешнице лежал раскрытый отчёт — несколько строк, написанных торопливым, нервным почерком. Он перечитал их дважды. Потом ещё раз, медленнее, будто надеясь, что слова изменятся.

«Объект прошёл через внутренний двор в расчётное время. Ловушка сработала. Сеть активирована. Объект обездвижен. Вмешательство отсутствовало до момента срабатывания защиты портала».

Дальше шли подробности: выброс силы, разрушения, свет, который видели даже в дальнем крыле. Мужчина отложил отчёт. Его пальцы, унизанные тяжёлыми перстнями, сжались в кулак.

Портал защитил её.

Это означало только одно: портал привязан к девчонке. Не к месту. Не к Источнику. К ней. Убери её — и портал хлопнется. Или, что хуже, выйдет из-под контроля, превратится в дикий Разлом, и тогда уже не достанется никому.

Он не мог допустить ни того, ни другого.

Убить её — значит потерять всё. Значит, план провален. Глупый, опрометчивый план, который он составил в спешке, недооценив противника. Он думал, что девчонка — просто случайность, просто попаданка, которую можно убрать, как убирают со стола ненужную бумагу. Но портал считал иначе.

Портал признал её. И теперь он, мужчина в кресле, должен был признать это тоже.

Значит, другой путь.

Он усмехнулся в темноте — невесело, холодно. Другой путь всегда найдётся. Нужно только время. И терпение. И готовность ждать. Этого ему было не занимать.

Он взял отчёт, сложил его вдвое и поднёс к светильнику. Бумага вспыхнула. Огонь побежал по краям, пожирая строчки одну за другой. Через несколько секунд от отчёта остался только пепел — серый, невесомый, разлетающийся от малейшего сквозняка.

— Значит, другой путь, — произнёс он вслух. Голос был глухим, лишённым эмоций. Никто не ответил.

Светильник погас. Комната погрузилась во тьму. И только тлеющие искры пепла ещё несколько мгновений кружились в воздухе, прежде чем исчезнуть навсегда.

Глава 2: Если ты ещё не можешь ходить, но уже клянёшься спасти друга — это в твоём стиле

Я открыла глаза.

Потолок был белым. Не серым камнем, к которому я привыкла за месяцы жизни в Институте, а именно белым — светлым, чистым, с едва заметными прожилками магических рун, вплетённых в штукатурку. Руны слабо светились, пульсируя в мягком, успокаивающем ритме. Я не сразу поняла, что этот ритм совпадает с биением моего сердца. Целительская магия подстраивалась под пациента. Умно.

Я медленно, очень медленно повернула голову. Движение отозвалось тупой болью в плече и где-то под рёбрами, но это была не та боль, что бывает при ранении. Скорее — заживающая. Ноющая. Терпимая.

Палата была небольшой, но уютной. Светло-кремовые стены, высокое окно, за которым сгущались сумерки — оранжевые с фиолетовым, как всегда в Институте. На подоконнике стоял маленький горшочек с лунным мохом — подарок Лили местным целителям, чтобы «пациентам было уютнее». Мох тихо светился, и от этого в палате становилось как-то... спокойнее.

Рядом с моей кроватью стояло кресло. Тяжёлое, дубовое,

с высокой спинкой — явно не из целительского корпуса. Такие кресла стояли только в одном месте — в кабинете ректора. И, кажется, в его личной гостиной. Кто-то распорядился принести его сюда.

На подлокотнике лежала книга — раскрытая, страницами вниз. «История Разломов: от Великого до наших дней». Я усмехнулась про себя. Дамиан даже в целительском корпусе читал о работе.

Рядом с книгой стояла чашка. Фарфоровая, с гербом Ашерон — лунный камень и скрещенные клинки. На дне ещё оставалось немного остывшего чая. С мятой. Я узнала бы этот запах где угодно.

Он сидел здесь. Долго. Читал, пил чай, ждал, когда я очнусь.

Я попыталась восстановить в памяти события, которые привели меня сюда. Воспоминания были обрывочными, как страницы книги, вырванные и разбросанные по полу. Внутренний двор. Пруд. Тихий вечер. Я шла к Джонатану за отчётами. А потом...

Сеть. Боль. Свет.

Я помнила сеть — тонкую, как паутина, и горящую алыми искрами. Помнила, как она сжималась, выпивая мою магию, и как я рухнула на колени. Помнила гул из-под земли и золотой свет, который хлынул сквозь каменные плиты. И — руки Дамиана. Тёплые. Надёжные. Его голос: «Не смей. Слышишь? Не смей».

Я помнила, как он нёс меня через разрушенный двор. Помнила его страх — не ледяной, не сдержанный, а настоящий. И помнила, как провалилась в темноту, чувствуя себя в безопасности.

Сколько прошло с тех пор? День? Два? Три?

Я попыталась сесть, но тело отозвалось такой болью в плече, что я зашипела и рухнула обратно на подушку. Ладно. Не сегодня. И, кажется, не завтра.

В этот момент дверь палаты приоткрылась, и в палату вошёл Дамиан.

Он был в мундире — идеально отглаженном, с серебряным шитьём, которое тускло мерцало в свете рун. Волосы уложены волосок к волоску. Осанка прямая. На лице — привычное выражение спокойной сдержанности. Лорд Ашерон. Ректор. Владыка Граней.

Но я видела то, что скрывалось под этой маской. Я научилась читать его за те месяцы, что мы были вместе. И сейчас я видела то, что не заметил бы никто другой.

Тени под глазами — глубже, чем обычно. Складка между бровей — та самая, которая появлялась только тогда, когда он волновался по-настоящему. Пальцы, сжимавшие дверную ручку, чуть побелели, прежде чем он отпустил её и шагнул в палату. Он не спал. Или спал прямо здесь, в этом кресле, которое явно перекочевало из его кабинета.

Он подошёл к кровати и остановился. Посмотрел на меня — долгим, изучающим взглядом, каким смотрят на что-то

хрупкое, что едва не разбилось.

— Ты очнулась, — произнёс он. Голос был ровным, но я услышала в нём то, что он пытался скрыть. Облегчение. Огромное, как океан, облегчение, которое он не позволял себе показать.

— Кажется, да, — ответила я. Голос прозвучал хрипло, и я откашлялась. — Сколько я здесь?

— Три дня.

Я моргнула.

— Три дня? Серьёзно?

— Серьёзно, — он чуть приподнял бровь. — Ты пропустила две пары по боевой магии. Лиара передала, что ждёт отрабатывать упущенное. Цитирую: «Пусть не думает, что покушение — уважительная причина для прогулов». Конец цитаты.

Я слабо усмехнулась. Типичная Лиара.

— А Селеста? Она была здесь?

— Была, — Дамиан кивнул. — Приехала сразу же, как только я её вызвал. Осмотрела тебя, сказала, что раны серьёзные, но не смертельные. Магическое истощение от сети, ожоги, потеря крови. Она обработала всё, что нужно, оставила указания по лечению и уехала обратно в Ковен.

— Уехала?

— У неё срочные дела. Мерлин собирает Совет по поводу покушения. Она обещала вернуться, как только сможет. И передала тебе это.

Он кивнул на тумбочку. Там лежал маленький свёрток, перевязанный серебристой лентой. Я потянулась к нему, но плечо отозвалось болью, и я зашипела. Дамиан мгновенно оказался рядом, взял свёрток и вложил мне в руки. Его пальцы задержались на моих — на секунду дольше, чем требовалось.

— Это её фирменное печенье, — сказал он. — С вишней. Она испекла перед отъездом. Сказала, что ты заслужила.

— Она печёт печенье, когда нервничает? — я слабо улыбнулась. — Как Моргана?

— Похоже на то, — уголок его губ дрогнул. — Целители — они все немного... специфические.

Он замолчал. Я видела, как он смотрит на меня — на бледное лицо, на повязку на плече, на синяки, которые ещё не сошли. И я знала, о чём он думает. О том, что едва не потерял меня. О том, что кто-то посмел напасть на меня в его Институте. О том, что он не смог этого предотвратить.

— Дамиан, — тихо позвала я.

— Да?

— Ты сидел здесь всё это время?

Он не ответил. Но я видела кресло. Книгу. Чашку с остатками чая. И я знала ответ.

— Селеста сказала, что тебе нужно ещё несколько дней отдыха, — произнёс он вместо ответа, возвращаясь к своему обычному, деловому тону. — Никаких пар, никакой работы с документами, никакого портала. Ты остаёшься здесь, пока

я не решу, что ты готова вернуться.

— А если я решу иначе?

— Ты не решишь, — он посмотрел на меня тем самым взглядом, от которого факелы гасли. — Потому что я тебя знаю. Ты попытаешься встать, дойти до двери и потеряешь сознание в коридоре. Я этого не допущу.

— Ты такой заботливый, — пробормотала я.

— Я реалист.

Он встал, поправил мундир — привычный жест, возвращающий его в режим «ректор». Но перед тем, как выйти, он наклонился и коснулся губами моего лба. Легко. Невесомо. Как будто я всё ещё была сделана из стекла.

— Отдыхай, Алиса, — сказал он. — Я зайду вечером.

Дамиан вышел, и в палате стало тихо. Я откинулась на подушку, всё ещё чувствуя тепло его губ на лбу, и прикрыла глаза. Три дня. Целых три дня я провалялась без сознания, пока где-то там, за стенами целительского корпуса, жизнь шла своим чередом. Пары, работа, пруд с перевёрнутыми кувшинками...

В коридоре слышались шаги. Много шагов. И характерный скрип.

— Тихо, Кевин! — раздался шёпот Лили. — Она, может, ещё спит!

— Я тихо! — возмутился Кевин таким же громким шёпотом. — Это тапки! Они сами скрипят! Я не виноват!

— Ты их носишь, — заметила Моргана.

— И что? Я призрак! Имею право на скрипучие тапки!

Я улыбнулась ещё до того, как дверь распахнулась. Лили влетела первой. Её светлые волосы растрепались, в руках она держала горшок с Огурчиком, который немедленно начал вертеть своей зубастой головой по сторонам, выискивая, что бы сожрать.

— Ты жива! — выдохнула Лили, бросаясь ко мне. — Я знала! Я говорила им! Я говорила, что ты очнёшься!

— Тише, Лили, — я поморщилась, но не от боли — от громкости. — Я очнулась, а ты меня сейчас обратно отправишь.

— Ой, прости, — она понизила голос и присела на край кровати. Огурчика она поставила на тумбочку, и тот немедленно попытался сожрать ложку, оставленную здесь ранее. Лили машинально отдёргнула его за лист. — Нельзя. Это не твоё. Это, наверное, чьё-то.

— Это целительская, — сказала я. — Но ему, кажется, всё равно.

Моргана вошла следом — тихо, как всегда. В руках она держала аккуратный свёрток, из которого пахло чем-то тёплым и сладким. Она остановилась в паре шагов от кровати и посмотрела на меня своими тёмными, глубокими глазами.

— Ты выглядишь... — начала она.

— Ужасно? — подсказала я.

— Живой, — закончила Моргана. — Это главное.

Она положила свёрток на тумбочку рядом с Огурчиком,

тот немедленно попытался переключиться на него, но Лили снова отдёргнула его.

— Печенье, — пояснила Моргана. — Пекла, когда нервничала.

— Ты нервничала три дня подряд? — я приподняла бровь.

— Я нервничала сильно, — ответила она, и в её голосе не было ни капли иронии.

Я развернула свёрток. Внутри лежали идеально круглые, румяные печенья с шоколадными крошками. Они были ещё тёплыми. Я взяла одно и откусила. Вкус был потрясающим — нежный, сладкий, с лёгкой горчинкой тёмного шоколада.

— Моргана, — сказала я с набитым ртом, — ты гений. Знаешь, тебе надо познакомиться с леди Селестой.

— С кем? — Моргана нахмурилась.

— С леди Селестой. Целительница из Ковена. Она тоже печёт, когда нервничает. У неё вишнёвый пирог — просто нечто. И печенье. Кстати, — я кивнула на тумбочку, — вон там её печенье, в серебристом свёртке. Она тоже передала. Берите, пробуйте.

Лили немедленно схватила одно печенье Селесты и откусила. Моргана взяла второе, повертела в пальцах, оценивая, и попробовала.

— Неплохо, — признала она. — Вишня чувствуется. Но текстура грубовата.

— О, боже, — пробормотал Кевин, который как раз вплыл в палату, скрипя тапками. — Сейчас начнётся битва пекарей.

— Никакой битвы, — Моргана чуть улыбнулась. — Просто у меня лучше.

— У Морганы лучше, — подтвердил Кевин, усаживаясь в кресло Дамиана и закидывая полупрозрачные ноги на подлокотник. — Я пробовал оба. Вернее, нюхал. Но запах у Морганы вкуснее. А запах — это девяносто процентов вкуса. Я где-то читал.

— Ты читал? — Лили прищурилась. — Когда?

— Когда был в своем теле! — возмутился Кевин. — Я был очень образованным. До того, как стал призраком. Между прочим, я помню, где моё тело лежит, и это не отменяет того факта, что я разбираюсь в печенье.

Он скрипнул тапками для убедительности. Огурчик, который всё это время пытался дотянуться то до ложки, то до печенья, наконец оставил бесплодные попытки и обиженно зарылся листьями в горшок.

— Кстати, о пруде, — Лили вдруг стала серьёзной. — Ты видела, что с ним стало?

— Я была там, — напомнила я. — Правда, больше лежала, чем смотрела.

— Мои кувшинки! — Лили всплеснула руками. — Они перевернулись! Та, розовая, которую я растила два месяца! Она теперь плавает вверх корнями! Я пыталась её перевернуть, но она укусила меня за палец!

— Кувшинка укусила? — я приподняла бровь.

— Это магические кувшинки! — Лили возмутилась. —

Они не любят, когда их трогают! И теперь она обиделась! И остальные тоже! Они все дружно отказываются цвести!

Я не выдержала и рассмеялась. Смех отозвался болью в рёбрах, но это того стоило. Мои друзья. Мои странные, нелепые, прекрасные друзья. Призрак в скрипучих тапках. Эльфийка с цветком-убийцей и обиженными кувшинками. Мрачная наследница Блэквудов, которая пекла лучшее печенье в мире и сравнивала себя с целительницей из Ковена.

— Я скучала, — сказала я. — По вам. По всему этому.

— Мы тоже, — Лили улыбнулась. — Особенно Огурчик. Он пытался сожрать мой учебник по рунологии. Это верный признак того, что он нервничает.

— Или что он просто хочет есть, — добавил Кевин.

— Или что учебник был невкусный, — тихо сказала Моргана.

И мы рассмеялись уже вместе — все вчетвером. Смех отражался от стен маленькой палаты, и целительские руны на потолке пульсировали в такт, словно тоже смеялись вместе с нами.

Смех постепенно стих, и в палате повисла тишина — уже не такая лёгкая, как минуту назад. Я видела, как Лили теребит край мантии, как Моргана хмурится, глядя в окно, как Кевин перестал скрипеть тапками и замер. Они хотели спросить. Они ждали, когда я сама заговорю.

— Вы ведь знаете, что случилось? — спросила я.

— Мы знаем, что тебя нашли во внутреннем дворе без

сознания, — ответила Лили. — Что там была какая-то магическая ловушка. Что портал... отреагировал.

— И что ректор вынес тебя оттуда на руках, — добавил Кевин. — Я видел. Ну, не сам момент, но потом — как он шёл через двор. У него было такое лицо, будто он идёт на войну. Я даже скрипеть перестал. От страха.

— Это была ловушка, — сказала я. — Магическая сеть. Кто-то наложил заклинание прямо во внутреннем дворе. Я шла к Джонатану за отчётами, остановилась у пруда, а потом... — я пожала плечами, и плечо отозвалось болью. — Сеть упала сверху. Она вытягивала магию. Я ничего не могла сделать.

— Кто? — спросила Моргана. Голос у неё был тихим, но я слышала в нём сталь.

— Не знаю, — призналась я. — Я никого не видела. Тот, кто это сделал, наложил заклинание и ушёл. Ему не нужно было смотреть.

— Но кто-то знал, что ты пойдёшь через двор, — медленно произнесла Лили. — Знал твой маршрут. Знал, что ты всегда останавливаешься у пруда.

— Именно, — я кивнула. — И это значит, что кто-то следил за мной. Кто-то здесь, в Институте. Или за его пределами, но с доступом к информации.

В палате повисла тяжёлая тишина. Кевин перестал парить и опустился на подлокотник кресла — точнее, попытался, потому что прошёл сквозь него и с тихим «ой» выровнялся

обратно.

— Ректор ведёт расследование, — сказала я. — Но пока безрезультатно. Улики уничтожены. Сеть сгорела в пруду. Свидетелей нет.

— А у него есть подозрения? — спросила Моргана.

— Думаю, да. Но он мне не сказал. Ты же его знаешь — он не будет говорить, пока не будет уверен.

— Ты знаешь, — вдруг сказала Лили, и её голос прозвучал как-то странно, почти официально. — Мы должны обсудить кое-что.

Я приподняла бровь.

— Что именно?

— Как нам его называть.

— Кого?

— Ректора, — Лили подалась вперёд. — Ну, лорда Ашерона. Дамиана. Как нам его называть в разговоре с тобой? Потому что «ректор» — это официально. «Лорд Ашерон» — тоже. А «Дамиан» — это как-то... неудобно. Он всё-таки ректор. Но он же твой... ну... — она запнулась, подбирая слово, — ...твой мужчина?

— Мой мужчина, — повторила я и вдруг поняла, что краснею. — Да. Наверное. В общем, да.

— Ну вот! — Лили всплеснула руками. — Как нам его называть? «Алискин дяденька»?

Я поперхнулась воздухом.

— Что?!

— Ну, «Алискин ректор»? — продолжала Лили. — «Алискин лорд»? Нужно же как-то обозначать!

— Лили, — простила я. — Пожалуйста, не называй его «Алискин дяденька». Он тебя заморозит.

— А «Алискин ректор»?

— Он и так ректор. При чём тут я?

— При том, — вставил Кевин, — что он перестал быть «просто ректором» в тот момент, когда прыгнул за тобой из кареты. Теперь он — «Алискин ректор». Это другой титул. Более высокий.

— Кевин!

— Я серьёзно! — он скрипнул тапками. — Это все знают. Даже портрет в синей рамке говорит: «Ну что, как у нас там Алискин ректор?»

— Он так говорит?! — я пришла в ужас.

— Ну, не вслух. Но по глазам видно.

Я закрыла лицо руками. Моргана тихо усмехнулась — почти неслышно, но я заметила.

— Мы можем называть его «лорд Ашерон» при посторонних, — предложила она. — И «ректор» в официальной обстановке. А когда разговариваем только между своими... можно просто «он». Ты всегда понимаешь, о ком речь.

— Вот! — Лили ткнула пальцем в Моргану. — Это гениально! Просто «он». С большой буквы. Как «Он». С интонацией.

— С какой интонацией? — подозрительно спросила я.

— С такой, — Лили выпрямилась и произнесла с придыханием: — «ОН сегодня проходил мимо столовой». «ОН был в чёрном мундире». «ОН смотрел на тебя тем самым взглядом».

— Лили!

— Что? Это правда! У Она есть «тот самый взгляд». Все знают.

— Я сейчас встану и уйду, — пригрозила я.

— Ты не можешь встать, — резонно заметил Кевин. — У тебя постельный режим.

Я вздохнула и откинулась на подушку. Сопrotивляться было бесполезно.

— Ладно, — сдалась я. — Давайте так. На публике — «ректор» или «лорд Ашерон». В узком кругу — «ОН». Устроит всех?

— Устроит, — хором ответили Лили и Кевин.

— Вполне, — кивнула Моргана. — Я вообще предпочитаю молчать. Но если нужно — буду использовать официальное обращение.

— Спасибо, Моргана, — я благодарно посмотрела на неё. — Ты единственный адекватный человек в этой комнате.

— Это потому что я не человек, — возразил Кевин. — Я призрак. И я требую, чтобы к моему мнению тоже прислушались.

— Мы прислушиваемся, — успокоила его Лили. — Просто твоё мнение обычно сводится к «у Морганы лучше».

— Потому что так и есть! — он скрипнул тапками. — У Морганы всё лучше. Печенье лучше. Платья лучше. Даже руны на платье лучше, хотя они ненастоящие.

— Благодарю, Кевин, — тихо сказала Моргана, и мне показалось, что её щёки чуть порозовели.

Я смотрела на них — на эльфийку с её цветочными катастрофами, на призрака в скрипучих тапках, на мрачную наследницу тёмных магов с печеньем и чувством стиля — и вдруг почувствовала, как внутри разливается тепло. Не магическое. Настоящее. Они пришли. Они ждали. Они обсуждали, как называть моего мужчину, спорили о печенье и переворачивали кувшинки.

Мои друзья. Моя семья.

И где-то за стенами этой палаты кто-то хотел меня убить. Кто-то, кто знал мой маршрут и наложил заклинание у пруда.

Но сейчас, в этот момент, это было неважно.

— Я очень рада, — сказала я. — Что пришли.

— Куда бы мы делись, — фыркнул Кевин. — Ты же наша попаданка.

— Мы тебя никому не отдадим, — добавила Лили. — Даже ОНу. Ну, разве что на одно свидание.

Тишина после смеха растворилась, и в палате повисло что-то другое. Не неловкость — скорее, момент, когда шутки заканчиваются и начинается настоящее. Я видела, как Кевин перестал скрипеть тапками. Как его полупрозрачная фигура замерла у кресла, в котором ещё недавно сидел Дамиан.

Как он смотрел в окно — на оранжево-фиолетовое небо, — и молчал.

— Кевин, — позвала я. — Ты что-то хотел сказать?

Он не ответил сразу. Лили и Моргана, всё ещё сидевшие у моей кровати, переглянулись.

— Я... — начал он и замолчал. Потом снова начал: — Вы знаете, что моё тело здесь. В этом корпусе. Я говорил.

— Говорил, — кивнула Лили. — В хранилище, да?

— Да. Оно недалеко. Через пару коридоров отсюда. Лежит на специальной плите, окружённое поддерживающими чарами. Целители его сохраняют. На всякий случай. Вдруг я когда-нибудь найду способ вернуться.

Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Я уже несколько лет «ищу способ». И ничего. Просто лежу там, как... как экспонат.

Я села на кровати. Движение отозвалось болью в плече, но я не обратила на это внимания.

— Я хочу его увидеть.

Кевин резко повернулся ко мне.

— Что?

— Твоё тело. Я хочу его увидеть.

— Алиса, ты едва встаёшь, — Лили тронула меня за рукав. — Может, не сейчас? Может, когда ты окрепнешь?

— Сейчас, — сказала я.

— Ты бледная, — добавила Моргана. — И у тебя швы на плече.

— Я в порядке.

— Ты не в порядке, — Кевин посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я никогда раньше не видела. Забота. Настоящая, не прикрытая шутками. — Ты три дня пролежала без сознания. Тебя пытались убить. Ты...

— Кевин, — перебила я. — Ты мой друг. Ты пришёл ко мне, когда я появилась в Институте. Ты скрипел тапками, травил байки про горгулий и заставлял меня смеяться, когда мне было страшно. Ты был рядом, когда мы шли к подвалу, когда мы сидели у меня в комнате с чаем, когда мы готовились к балу. Ты — часть моей семьи. А я даже не видела твоего лица.

Я спустила ноги на пол.

— Я хочу увидеть тебя. Настоящего.

В палате повисла тишина. Кевин смотрел на меня, и его полупрозрачное лицо дрожало — то ли от волнения, то ли от чего-то ещё.

— Ты уверена? — спросил он наконец. — Это... не самое весёлое зрелище. Я там лежу, как... как тело. Без сознания. Без всего. Это немного страшно.

— Я уверена.

Лили вздохнула и поднялась.

— Если ты упадёшь — я тебя поймаю, — сказала она. — Но учти: ты тяжёлая.

— Спасибо за поддержку, Лили.

— Всегда пожалуйста.

Моргана ничего не сказала, но встала с другой стороны от кровати. Вместе они помогли мне подняться — ноги дрожали, но держали. Боль в плече пульсировала, но была терпимой. Я сделала шаг, потом ещё один. Лили держала меня под руку. Моргана шла рядом, готовая подхватить в любой момент.

Кевин поплыл впереди, показывая дорогу. Его тапки скрипели по каменному полу — тихо, почти жалобно, словно они тоже чувствовали важность момента.

Хранилище находилось в конце длинного, тускло освещённого коридора. Здесь пахло не так, как в остальном целительском корпусе — не травами и чистотой, а холодом и древностью. Магические руны на стенах горели не успокаивающим голубым, а ровным, безэмоциональным белым светом. Под потолком тихо гудел охлаждающий артефакт.

Дверь в хранилище была тяжёлой, каменной, с выгравированными символами — теми самыми, что использовали целители для сохранения тел. Кевин не стал её открывать. Он просто прошёл сквозь неё. Через секунду дверь распахнулась изнутри — видимо, он нажал на какой-то рычаг.

Мы вошли.

Внутри было холодно. Не так, как зимой на улице, а по-другому — холод был сухим, стерильным, лишённым жизни. Вдоль стен стояли ряды каменных плит, накрытых белыми простынями. На некоторых лежали тела — застывшие, неподвижные, сохранённые магией в том состоянии, в кото-

ром они были до смерти. Или до того, как их души покинули оболочку.

Кевин остановился у одной из плит в дальнем углу.

— Вот, — сказал он. Голос у него был тихим, почти чужим. — Это я.

Я подошла ближе. Лили и Моргана — за мной.

На плите лежал молодой парень. Ему было лет двадцать — может, чуть больше. Светлые волосы, рассыпавшиеся по подушке, были точно такими же, как у призрака, который парил рядом со мной. Черты лица — мягкие, но мужественные. Глаза закрыты. Губы чуть приоткрыты, словно он вот-вот что-то скажет. На нём была простая белая рубашка и штаны — видимо, та одежда, в которой он был в момент... в момент того, что с ним случилось.

Он выглядел так, будто спал. Просто спал. И если бы не холод, идущий от плиты, и не магические руны, мерцающие вокруг тела, можно было бы подумать, что он сейчас проснётся, потянется и скажет: «Ну что, как я долго?»

— Ты красивый, — тихо сказала Лили. И тут же смутилась. — Я имею в виду... ну, ты понял.

— Я понял, — Кевин попытался улыбнуться, но улыбка вышла какой-то вымученной. — Я был красивым. Теперь я прозрачный. Но тапки всё ещё скрипят. Это главное.

— Как это случилось? — спросила я. — Ты рассказывал, что это было зелье невидимости, но...

— Но это не всё, — закончил он. — Да. Я не договаривал.

Он завис над своим телом, глядя на него сверху вниз. Его полупрозрачная рука потянулась к лицу на плите, но прошла сквозь. Как всегда. Как каждый раз, когда он пытался прикоснуться к чему-то настоящему.

— Это было зелье, — начал он. — Не просто невидимости. Я хотел создать что-то особенное. Что-то, что сделает меня незаметным не только для глаз, но и для охранных чар. Мы с ребятами хотели пробраться в запретную секцию библиотеки. Ну, знаешь, подростковая дурь.

Он замолчал, собираясь с мыслями.

— Я перепутал ингредиенты. Вместо пыльцы лунной моли взял пыльцу сонной розы. Вместо экстракта хамелеона — настойку развоплощения. Я не знал, что она так называется. Я вообще не должен был её достать — она хранилась в закрытом шкафу у Мортема. Но я стащил ключ. Думал, что это просто редкий ингредиент. А это оказалось...

— Развоплощение, — прошептала Моргана. — Я читала об этом. Это тёмная магия. Она отделяет душу от тела.

— Да, — кивнул Кевин. — Я выпил зелье — и душа вылетела. Просто вылетела, как пробка из бутылки. А тело... тело осталось. Упало на пол. Друзья подумали, что я умер. Вызвали целителей. Тело принесли сюда, подключили к поддерживающим чарам. А душа... душа осталась снаружи. И не может вернуться обратно.

Он посмотрел на меня. В его глазах — впервые с тех пор, как я его знала, — не было ни смеха, ни шуток. Только пу-

стота. Та самая пустота, которую он прятал за скрипом тапок и бесконечными байками о горгульях.

— Я не могу прикоснуться к себе, — сказал он. — Не могу почувствовать своё лицо. Свои руки. Своё сердце. Я смотрю на себя — вот он я, лежу, живой, но пустой. Как дом, из которого ушли. И я не могу войти обратно. Уже несколько лет не могу.

В хранилище повисла тишина. Такая глубокая, что я слышала, как гудят охлаждающие артефакты. Лили всхлипнула. Моргана молчала, но её пальцы, сжимавшие край мантии, побелели.

Я смотрела на тело Кевина. На его лицо, застывшее во времени. На его руки, которые никогда больше не возьмут скрипучие тапки, если мы ничего не сделаем. На его грудь, которая не вздымалась от дыхания.

— Мы вернём тебя, — сказала я.

Кевин повернулся ко мне. Его лицо было напряжённым, словно он боялся поверить.

— Алиса, ты не понимаешь. Это не просто заклинание. Это...

— Я понимаю, — перебила я. — Я Ключ. Я попаданка. Я училась у Лиары, у Грейвса, у Мортема. У меня есть друзья, которые знают тёмную магию, ботанику и рунологию. И у меня есть ректор, который, кажется, готов ради меня на всё. Мы найдём способ. Мы вернём тебя в твоё тело. Обещаю.

Моргана ничего не сказала. Она просто сделала шаг впе-

рѣд и взяла Кевина за руку. Её пальцы прошли сквозь его полупрозрачную ладонь — так же, как всегда, — но она не отдернула руку. Она держала её там, в холоде между жизнью и смертью, и смотрела на него своими тёмными, глубокими глазами.

— Мы вернём тебя, — повторила она. Не как обещание. Как факт.

Кевин посмотрел на неё. На меня. На Лили, которая всё ещё всхлипывала, но уже кивала, соглашаясь с каждым словом. И впервые за всё время, что я его знала, он не нашёл сил для шутки.

— Спасибо, — прошептал он. — Просто... спасибо.

Обратно я шла медленнее, чем хотелось бы. Лили и Моргана снова взяли меня под руки, и хотя я бурчала, что могу сама, никто не слушал. Кевин плыл позади, и его тапки скрипели по коридору уже не жалобно, а как-то... задумчиво. Словно он всё ещё был там, в хранилище, рядом со своим телом.

Когда мы добрались до палаты, я рухнула на кровать с облегчением, которое постаралась не показывать. Плечо ныло, ноги гудели, а перед глазами всё ещё стояло лицо Кевина — то, что на плите, и то, что парило рядом со мной. Одинаковые. И такие разные.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала Лили, поправляя моё одеяло. — Серьёзно. Если ты ещё раз попытаешься встать, я

привяжу тебя к кровати. У меня есть лунный плющ, он очень крепкий.

— Угрожаешь магической ботаникой? — я слабо усмехнулась.

— Именно. И не смотри на меня так. Я знаю, что ты думаешь: «Лили слишком добрая, она не станет». Стану. У меня есть опыт. Огурчик до сих пор помнит, как я привязала его к горшку, когда он пытался сожрать мои конспекты.

Огурчик возмутился из своего горшка на тумбочке, будто бы говорил “Это было один раз!”

Моргана поправила свёрток с печеньем на тумбочке — так, чтобы мне было удобно дотянуться.

— Если что-то понадобится — позови, — сказала она. — Я буду в библиотеке. Или в своей комнате. Или где-то ещё. Но я приду.

— Я знаю, — ответила я. — Я благодарна.

Кевин задержался у двери. Он посмотрел на меня — не так, как обычно, не с вечной усмешкой и готовой шуткой. Он посмотрел серьёзно.

— То, что ты сказала там, в хранилище... — начал он.

— Это правда, — перебила я. — Мы вернём тебя. Я не бросаю слов на ветер.

— Я знаю, — он помолчал. — Просто... спасибо. За то, что веришь.

— Я не верю, — я покачала головой. — Я знаю.

Он улыбнулся — не кривой усмешкой, а настоящей, тёп-

лой улыбкой, которую я редко видела на его полупрозрачном лице. Потом скрипнул тапками и выплыл в коридор.

Дверь закрылась. Я осталась одна.

В палате было тихо. Целительские руны на потолке пульсировали в ритме моего сердца — успокаивающе, мягко. За окном сгушались сумерки, и небо из оранжево-фиолетового становилось тёмно-синим, почти чёрным. Где-то далеко, в другом крыле, слышался голос Игнис — кажется, она всё ещё была в ярости из-за разрушенного пруда.

Я лежала и смотрела в потолок. Мысли крутились, как белка в колесе.

Покушение. Кто-то знал мой маршрут. Кто-то наложил закливание у пруда. Этот кто-то хотел моей смерти — и он всё ещё где-то там. Может быть, в Институте. Может быть, за его пределами. Но он не остановится. Если Вэйн понял, что убить меня нельзя, он найдёт другой способ. Или другой враг займёт его место.

Кевин. Его тело лежит в хранилище годами. Он шутит, скрипит тапками, смешит всех вокруг — а сам не может прикоснуться к себе настоящему. Я обещала ему помочь. И я сдержу слово. Чего бы это ни стоило.

Дамиан. Он сидел здесь три дня. Читал книгу, пил чай с мятой, ждал, когда я очнусь. Я вспомнила его лицо, когда он говорил: «Не смей. Ты нужна мне». Вспомнила, как его руки дрожали, когда он нёс меня через разрушенный двор. Он боится. Ледяной ректор, Владыка Граней, сильнейший

маг континента — боится. За меня.

Я перевернулась на бок. Плечо отозвалось болью, но уже не такой острой, как раньше. Целительская магия делала своё дело.

Враг неизвестен. Опасность рядом. Впереди — расследование, сессия, работа с порталом и, кажется, ещё одна встреча со смертью.

Но.

У меня есть друзья. Лили с её кувшинками и Огурчиком. Моргана с её печеньем и стальным взглядом. Кевин с его скрипучими тапками и душой, запертой между мирами.

У меня есть Дамиан. Который ждал двести лет. Который прыгнул за мной из кареты. Который сказал: «Не смей» — и я не посмела.

Я справлюсь. Не потому, что я особенная. Не потому, что я Ключ. А потому, что я не одна.

Я закрыла глаза. Завтра будет новый день. Завтра я начну искать способ вернуть Кевина. Завтра я спрошу Дамиана, что ему удалось узнать о покушении. Завтра я вернусь к работе, к порталу, к учёбе.

А сегодня — спать.

Целительские руны на потолке мягко пульсировали, убаюкивая. И я провалилась в сон — без сновидений, без драконов, без тревог. Просто в темноту. Тёплую и безопасную.

Глава 3: Если ты выписалась из целительского корпуса, а Джонатан уже ждёт с документами — это и есть твоя рутина

Я открыла глаза.

Потолок был белым, с едва заметными прожилками магических рун, пульсирующих в мягком, успокаивающем ритме. Я уже знала этот ритм — он совпадал с биением моего сердца. Целительская магия подстраивалась под пациента, и за те дни, что я здесь провела, я успела к этому привыкнуть.

Сегодня был последний день.

Я медленно села на кровати. Плечо почти не болело — только тянуло, если я делала резкое движение. Синяки на руках побледнели, а ожоги от сети затянулись, оставив после себя лишь тонкие розовые полоски, которые, как сказала Селеста, исчезнут через пару недель. Я была готова возвращаться.

На тумбочке, прямо передо мной, лежал белый цветок.

Не срезанный — живой, с корнями, аккуратно завернутыми во влажную ткань. Маленький, изящный, с пятью лепестками, которые светились мягким лунным светом. Лунная лилия. Редкий цветок, который распускается только в

полнолуние. Который пахнет морозной свежестью и травами. Который напоминал мне того, кто просидел около моей кровати еще одну ночь.

Я взяла его в руки. Лепестки были прохладными на ощупь, и от них исходил знакомый, родной запах. Рядом с цветком стояла чашка из-под чая — фарфоровая, с гербом. На дне ещё оставалось немного остывшей жидкости. Я поднесла цветок к лицу и улыбнулась. Ледяной ректор. Оставлял мне лунные лилии и пил чай с мятой, пока я спала. Если бы кто-то рассказал мне об этом полгода назад, я бы рассмеялась ему в лицо.

Дверь приоткрылась, и в палату заглянула молодая целительница — та самая, что меняла повязки в первый день, когда я очнулась.

— Адептка Ашерон, вы проснулись! — она улыбнулась. — Отлично. У меня для вас хорошие новости: вы свободны. Сегодня выписываем.

— Спасибо, — я кивнула и осторожно спустила ноги на пол. — Я уже готова.

— Конечно, готовы, — она бросила взгляд на цветок в моих руках и понимающе улыбнулась. — Собирайтесь. И... берегите себя. Постарайтесь больше не попадать в магические ловушки.

— Постараюсь, — пообещала я, хотя мы обе понимали, что это вряд ли.

Целительница вышла, и я осталась одна. Я оглядела па-

лату — светло-кремовые стены, высокое окно, горшочек с лунным мохом на подоконнике, кресло, которое Дамиан так и не забрал обратно в кабинет. Я провела здесь несколько дней, но эти стены успели стать почти родными. Здесь было тихо, спокойно, безопасно. Здесь обо мне заботились. Здесь он сидел ночами, читал книги и ждал, когда я открою глаза.

Я вздохнула и начала собираться. Мантия, которая лежала на стуле, была новой — мою старую, прожжённую сеть, выбросили. Эта была точно такой же: чёрная, с серебряным шитьём по краям. Пахла травами и чем-то ещё — кажется, заботой.

Я оделась, застегнула пуговицы и в последний раз посмотрела на палату. Лёгкая грусть коснулась сердца — но тут же отступила, уступая место радости. Впереди ждала нормальная жизнь. Пары. Друзья. Работа с документами. Дамиан.

Я взяла цветок, прижала его к груди и вышла в коридор.

Я не успела отойти далеко от дверей целительского корпуса. Собственно, я успела ровно настолько, чтобы завернуть за угол, вдохнуть утренний воздух и подумать: «Как хорошо возвращаться к нормальной жизни».

А потом из бокового коридора выступила костяная фигура с планшетом в руках.

— Адептка Ашерон, — произнёс Джонатан тоном, который я про себя называла «режим официального курьера». — Рад видеть вас в добром здравии. Покушение — неприятное событие. Я внёс его в отчёт.

— Спасибо, Джонатан, — я невольно улыбнулась. — Ты, как всегда, вовремя.

— Я всегда вовремя, — подтвердил он. — Это часть регламента. Кстати, о регламенте. Пункт три-одиннадцать: сотрудник, принятый в штат, обязан выполнять должностные обязанности независимо от внешних обстоятельств.

Он сделал паузу и посмотрел на меня синими огоньками глазниц.

— Покушение — внешнее обстоятельство. Я проверил.

— Ты хочешь сказать, что я должна работать, даже если меня пытаются убить?

— Именно, — подтвердил он. — Регламент не делает исключений для покушений. За время вашего отсутствия накопилась куча документов. Я подсчитал. Куча — это двадцать семь папок. Плюс три отчёта, которые требовали вашей подписи ещё до покушения.

Я вздохнула. Двадцать семь папок. Конечно. Нормальная жизнь начиналась именно так — с бумаг.

— Хорошо, Джонатан. Я найду вечером. Разберём.

— Я подготовлю калькулятор, — пообещал он. — И чай. С мятой. Ректор оставил запас в моём кабинете. Сказал, что вам понадобится.

— У тебя есть кабинет?

— Разумеется, — он выпрямился с достоинством. — Я бухгалтер. У каждого бухгалтера должен быть кабинет. Пункт... впрочем, это не регламент. Просто здравый смысл.

Он развернулся и зашагал по коридору, стуча костями по каменному полу. На полпути обернулся.

— Адептка Ашерон, — добавил он. — Я рад, что вы живы. Это тоже не регламент. Просто личное.

И ушёл, цокая языком, которого у него не было.

Я толкнула дверь комнаты и вошла.

Внутри было тихо. Лили уже убежала на свои пары — её кровать была аккуратно заправлена, а на подушке сидел Огурчик. Он повернул в мою сторону свою зубастую голову и издал звук, похожий на приветственное урчание. Или на голодное урчание. С ним никогда нельзя было сказать наверняка.

— Привет, зелёный, — сказала я. — Я вернулась.

Огурчик облизнулся и снова уставился в окно.

Я быстро скинула мантию, которую мне выдали в целеительском корпусе, и надела свою — старую, привычную, с вышитым лунным плющом на плече. Та, прожжённая сетью, осталась в прошлом, но эта была почти такой же. Пахла домом.

Тетрадь по боевой магии лежала на столе. Я схватила её, проверила, что перо на месте, и бросила взгляд на часы.

Лиара. Первая пара. Через десять минут.

Я вылетела в коридор и припустила бегом. После всего, что случилось — покушения, трёх дней без сознания, швов на плече, — мне отчаянно хотелось нормальной жизни. И нормальная жизнь начиналась именно так: с опоздания на

боевую магию, с тетради, прижатой к груди, и с надежды, что Лиара сегодня будет в хорошем настроении.

Хотя — кого я обманывала? Лиара никогда не была в хорошем настроении.

Я влетела в аудиторию боевой магии, когда до начала пары оставалось меньше минуты. Студенты уже стояли в кругах, разминая запястья перед тренировкой. Лиара возвышалась в центре зала — серебристые волосы собраны в тугий хвост, шрам через всё лицо, руки скрещены на груди. Она повернула голову на звук моих шагов и окинула меня долгим, оценивающим взглядом.

— Очнулась? — произнесла она сухо.

— Так точно, — ответила я, всё ещё пытаюсь отдышаться.

— Хорошо. На лавку.

— Что?

— На лавку, — повторила она тоном, не терпящим возражений. — Ты ещё не восстановилась. Я не хочу, чтобы ты свалилась без сознания посреди тренировки и сорвала мне занятие. Будешь наблюдать.

Я хотела возразить — сказать, что я в полном порядке, что я готова, что я не могу просто сидеть и смотреть. Но под взглядом Лиары любые возражения умирали, не родившись. Я вздохнула и поплелась к скамейке у стены.

Лили, уже стоявшая в своём кругу, ободряюще мне улыбнулась. Я села, положила тетрадь на колени и приготовилась записывать. Или просто смотреть. Или и то, и другое.

Тренировка началась. Лиара гоняла студентов так, будто они не первокурсники, а как минимум боевые маги накануне войны. Щиты, атаки, смена позиций, снова щиты. Она не делала скидок никому — ни тем, кто путал левую руку с правой, ни тем, кто пропустил удар. Один парень пропустил три шара подряд и рухнул на колени. Лиара посмотрела на него, ничего не сказала, и он тут же поднялся обратно.

Я смотрела и понимала: я скучала по этому. По запаху магии в воздухе. По напряжённым лицам. По тому, как щиты вспыхивают и гаснут, оставляя после себя лёгкое свечение. Это было частью моей новой жизни. Частью меня.

Когда пара закончилась и студенты потянулись к выходу, Лиара остановилась рядом со мной.

— Как плечо? — спросила она.

— Почти не болит, — честно ответила я.

— Хорошо. Когда Селеста подтвердит полное восстановление — дополнительная тренировка. Будешь навёрстывать.

Я кивнула. Лиара уже собиралась отойти, но я не удержалась:

— Это из-за того, что я пропустила три дня?

Она обернулась. Её стальные глаза смотрели на меня с тем самым выражением, которое я когда-то принимала за холодность. Теперь я знала: это не холодность. Это требовательность. И забота.

— Нет, Ашерон, — ответила она. — Это из-за того, что ты — мой боевой маг. А мой боевой маг должен быть лучшим.

Отдыхай. Но не затягивай.

И ушла, оставив меня на скамейке с тетрадью в руках и странным теплом где-то под рёбрами.

После боевой магии я направилась в аудиторию рунологии. Лили шла рядом, что-то рассказывала о своих кувшинках, которые до сих пор отказывались цвести, но я слушала вполуха. В голове всё ещё крутились слова Лиары. Это не было похоже на похвалу. Скорее, на обещание. Или на вызов. Или и на то, и на другое.

Подруга попрощалась на время и убежала по своим делам.

Аудитория рунологии встретила меня привычным полумраком и запахом старых книг. Профессор Грейвс, древний старик с бородой до пола и глазами, которые видели, кажется, рождение самой магии, уже стоял у доски. На ней светились три руны — сложные, многослойные, с завитками и острыми углами. Я узнала одну из них: руна портала. Ту самую, что была выгравирована на двери в подвал.

— Сегодня, — начал он скрипучим голосом, — мы поговорим о Разломах. И о том, как Ковен пытался их контролировать.

Я тут же забыла про Лиару, про кувшинки Лили и про всё остальное. Разломы.

Грейвс провёл рукой, и на доске появилась новая руна — сложнее предыдущих, похожая на паутину, сплетённую из молний.

— Разлом — это стихийный портал, — продолжал он. —

Он открывается хаотично, без контроля, без направления. Энергия выплёскивается наружу, цепляя разные миры, разные реальности. Именно поэтому из Разломов лезет всё подряд: демоны, духи, твари, которым нет названия. Никто не управляет процессом.

Он обвёл аудиторию взглядом. Я подалась вперёд, боясь пропустить хоть слово.

— Пятьсот лет назад, после Великого Разлома, основатели Ковена попытались создать контролируемый портал. Они рассуждали так: если Разлом нельзя закрыть навсегда, может быть, его можно приручить? Сделать стабильным. Направить в конкретный мир. Превратить хаос в инструмент.

— И что? — не выдержал кто-то с заднего ряда.

— Ничего, — Грейвс усмехнулся в бороду. — У них ничего не вышло. Они создали несколько экспериментальных порталов, но ни один не продержался дольше нескольких месяцев. Все они либо захлопнулись, либо вышли из-под контроля и их пришлось запечатать. С тех пор Ковен официально запретил подобные эксперименты.

Он сделал паузу и добавил:

— Официально.

Я смотрела на руну на доске и чувствовала, как сердце бьётся быстрее. Контролируемый портал. Запечатанный портал. Портал, который ждал пятьсот лет, чтобы кто-то его открыл.

Грейвс не говорил о подвале. Он вообще не упоминал Ин-

ститут. Но я-то знала. Я видела эти руны. Я касалась их. Я открыла дверь, которую не могли открыть пять веков.

И теперь я понимала, что именно я открыла.

Не просто портал. Не просто Источник. Экспериментальный Разлом. Один из тех, что основатели Ковена пытались стабилизировать пятьсот лет назад. Тот, что они запечатали, потому что не смогли контролировать.

А я смогла. Или почти смогла.

— Адептка Ашерон, — голос Грейвса вывел меня из задумчивости. — Вы очень внимательно слушаете. Есть вопросы?

Я помолчала. Потом спросила:

— А если бы такой портал всё-таки открыли? Если бы кто-то смог его стабилизировать? Что бы это значило?

Грейвс посмотрел на меня долгим взглядом. Мне показалось, что он знает больше, чем говорит.

— Это значило бы, — произнёс он, — что пророчество, о котором все забыли, начинает сбываться. Но это тема для другого занятия. А пока — открывайте тетради. Будем разбирать руну стабилизации.

Я открыла тетрадь и начала записывать руну стабилизации — сложную, многослойную, с завитками и острыми углами. Но мысли мои были далеко. Контролируемый Разлом. Экспериментальный портал. То, что не смогли создать основатели Ковена пятьсот лет назад, — теперь пульсировало в подвале Института. Живое. Растущее. Связанное со мной.

Я подняла глаза на Грейвса. Он как раз наклонился над тетрадью какой-то студентки, поправляя её рисунок. И я вдруг поняла: он догадывается. Не то чтобы ему кто-то рассказал — он слишком умён, чтобы не сложить два и два. Руны на двери. Выброс силы. То, что я открыла то, что было запечатано веками. Он не говорит об этом прямо — может быть, не хочет привлекать внимание. Может быть, ждёт, когда я сама задам правильный вопрос.

Но на этом занятии я больше ничего не спросила.

Я просто рисовала руну — ту самую, которая была выгравирована на двери, — и думала о том, что где-то там, в пещере, прямо сейчас растёт портал. И я — его ключ. И, кажется, наступает время узнать, как именно его стабилизировать.

После рунологии я спустилась в столовую. Пара с Грейвсом всё ещё крутилась в голове — контролируемые Разломы, запечатанные порталы, руны стабилизации. Я думала об этом, даже когда брала поднос и выбирала суп, который сегодня выглядел особенно миролюбиво.

Лили уже сидела за нашим обычным столом. Она пришла раньше — после боевой магии у неё было окно, и она сразу направилась сюда. Рядом с ней уже стоял горшочек с Огурчиком, который немедленно попытался сожрать ложку, едва я поставила поднос на стол.

— Как рунология? — спросила Лили, отдёргивая Огурчика за лист. — Грейвс ещё не заснул на кафедре?

— Нет, он был на удивление бодр, — ответила я, усажи-

ваясь. — Рассказывал про Разломы. И про то, как Ковен пытался их контролировать.

Кевин, который парил тут же, скрипнул тапками.

— Скучота, — прокомментировал он. — Вот если бы он рассказал, как Ковен пытался контролировать Игнис, — это было бы интересно. Я бы послушал.

— Игнис не поддаётся контролю, — заметила Моргана, не отрываясь от супа.

— Вот именно! — Кевин скрипнул тапками. — Поэтому и интересно!

Я помолчала, помешивая ложкой суп. Потом отложила ложку и сказала:

— Ребята, я хочу вам кое-что рассказать. То, что узнала сегодня. И то, что, кажется, знала уже давно, но только сейчас начала понимать.

Лили перестала бороться с Огурчиком. Кевин перестал скрипеть. Даже Моргана подняла глаза от тарелки.

— Портал в подвале, — продолжила я, — это не просто дверь. Это Разлом. Контролируемый Разлом. Один из тех, что основатели Ковена пытались создать пятьсот лет назад. У них не получилось. Они запечатали его и оставили здесь. А я... я его открыла.

За столом повисла тишина. Кевин присвистнул — вернее, издал звук, похожий на свист, потому что призракам свистеть сложно.

— То есть ты хочешь сказать, — медленно произнесла

Лили, — что у нас в подвале находится экспериментальный портал, который не смогли обуздать сильнейшие маги древности?

— Именно.

— И ты его открыла?

— Случайно, — добавила я. — Почти.

— Ничего себе «почти», — пробормотал Кевин.

Моргана отложила ложку. Её тёмные глаза смотрели на меня серьёзно.

— Грейвс знает? — спросила она.

— Думаю, догадывается. Он не говорил прямо, но смотрел на меня так, будто ждал, когда я сама пойму. И я поняла.

— И что теперь? — спросила Лили. — Что ты будешь делать с этим... Разломом?

— Учиться его контролировать, — ответила я. — Он растёт. Он живой. И он связан со мной. Если я не научусь им управлять, он может выйти из-под контроля. И тогда...

Я не договорила. Но они поняли.

— Мы поможем, — сказал Кевин. — Я не знаю как, но поможем. У меня, конечно, опыта с порталами маловато, зато тапки скрипят. Это, знаешь, тоже вклад.

Лили фыркнула. Моргана чуть улыбнулась — одними уголками губ. А я вдруг почувствовала, как внутри разливается тепло. Не от супа. От них.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что вы есть.

— Куда бы мы делись, — хором ответили Лили и Кевин.

И мы продолжили обед. Обычный. Почти.

Лили вздохнула и вытерла салфеткой лист Огурчика, который тот демонстративно отвернул.

— Он сегодня капризный, — пожаловалась она. — Вчера пытался сожрать мои конспекты, а сегодня салат не ест.

— Может, ему нужно разнообразие, — заметила Моргана, не поднимая глаз от тарелки.

— Какое?

Моргана помолчала. Потом уголок её губ чуть дёрнулся — у неподготовленного человека это сошло бы за тик, но я уже знала: так Моргана улыбается.

— Может, ему нужно, чтобы ты покраснела, как вчера в оранжерее.

Лили замерла с салфеткой в руке.

— Я не краснела!

— Ещё как, — Моргана наконец подняла глаза, и в них мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее веселье. — Когда Кайл предложил помочь с кувшинками.

— Я просто... там было жарко! — выпалила Лили, и её щёки стремительно приобрели оттенок спелой вишни.

Кевин перестал жевать воздух и уставился на Лили с выражением глубочайшего интереса.

— О! — только и сказал он.

— О, — эхом отозвалась я.

Моргана ничего не добавила. Просто вернулась к своему супу с видом человека, который выполнил дневную норму

по созданию хаоса.

— Это не то, что вы подумали! — Лили всплеснула руками, едва не задев Огурчика, который наконец заинтересовался салатом. — Он просто помог! С кувшинками! Они кусались! А он знает заклинание!

— Конечно, — кивнул Кевин. — Просто помог.

— Именно!

— И ты просто покраснела.

— Там было жарко!

— В оранжерее? — уточнила Моргана, не поднимая глаз.

— Где всегда прохладно из-за лунного мха?

Лили открыла рот, закрыла и уткнулась лицом в салфетку.

— Я вас всех ненавижу, — глухо сообщила она.

После обеда я попрощалась с друзьями и направилась в кабинет ректора. Не в личный — в официальный, тот самый, с массивным столом и графином воды, который, кажется, никогда не пустел. Джонатан сказал, что за время моего отсутствия накопилось двадцать семь папок, и я решила: чем раньше начну, тем быстрее закончу.

Дамиана в кабинете не было. На столе лежала записка — короткая, написанная его идеальным, чуть старомодным почерком: «Уехал по делам в Ковен. Вернусь к вечеру. Не скучай. Д.»

Я улыбнулась и убрала записку в карман мантии.

— Адептка Ашерон, — раздался знакомый скрипучий голос. — Вы готовы?

Джонатан стоял у двери с планшетом в одной руке и стопкой папок в другой. Синие огоньки в его глазницах мерцали в предвкушении.

— Готова, — вздохнула я, усаживаясь за стол ректора. — Давай сюда.

Он положил первую папку передо мной.

— Сметы за прошлый месяц. Я проверил цифры. Всё сходится, кроме одной позиции. Кто-то заказал триста банок томатного сока с базиликом. Я подозреваю Алдрика. Но доказательств нет.

— Алдрик — вампир. Ему можно.

— Я не спорю, — Джонатан перевернул страницу. — Просто констатирую факт. Далее: заявка на ремонт внутреннего двора. Игнис требует восстановить фонтан. Я предложил оставить пруд. Она сказала, что подумает. Я внёс это в протокол как «дискуссию».

— Ты вносишь в протокол споры с драконшей?

— Разумеется. Пункт семь-дробь-два: все разногласия должны быть задокументированы.

Я усмехнулась и принялась подписывать бумаги. Джонатан комментировал каждую: кто заказал, сколько потратили, кто виноват. Я слушала вполуха, а мысли мои блуждали далеко.

Покушение. Кто-то знал мой маршрут. Кто-то наложил закливание у пруда. Враг всё ещё где-то там — может быть, в Институте. Может быть, за его пределами.

Кевин. Его тело лежит в хранилище. Я обещала ему помочь. Якорь для души. Артефакт. Зелье. Что-то, что сможет привязать его душу обратно к телу. Но как это сделать?

Дамиан. Он уехал в Ковен. Один. Я знала, что он справится с чем угодно, но внутри всё равно скребло беспокойство. Я скучала по нему. Даже сейчас, сидя в его кабинете, вдыхая запах старых книг и морозной свежести, я скучала.

— Адептка Ашерон, — голос Джонатана вывел меня из задумчивости. — Вы подписали не ту папку.

Я посмотрела вниз. На бумаге красовалась моя подпись — кривоватая, потому что я даже не глядела. Джонатан цокнул языком, которого у него не было.

— Это заявка на закупку удобрений для сада. Вы уверены, что хотите одобрить поставку плотоядного компоста на сумму сто золотых?

— Лили будет рада, — пробормотала я.

— Лилиандра будет в восторге. Но я бы посоветовал сначала прочесть, а потом подписывать. Пункт...

— Знаю-знаю, — я вздохнула. — Давай следующую.

Джонатан положил передо мной новую папку. Я взяла перо и постаралась сосредоточиться. Получалось плохо. Но рядом сидел скелет-бухгалтер, цокал языком и комментировал каждую бумагу. И от этого становилось чуть легче. Как будто всё было на своих местах.

Почти всё.

Я вернулась в комнату, когда за окном уже совсем стем-

нело. Лили ещё не спала — она сидела на кровати, поджав ноги, и расчёсывала волосы. Огурчик тихо светился в своём горшке, переваривая что-то, что ему удалось стащить в столовой. Зеркало молчало — то ли спало, то ли решило, что на сегодня с него хватит впечатлений.

— Как дела с документами? — спросила Лили.

— Двадцать семь папок, — ответила я, стягивая мантию. — Джонатан комментировал каждую. Я узнала, что Алдрик заказал триста банок томатного сока, а Игнис требует восстановить фонтан, но согласна подумать над прудом.

— У нас никогда не будет скучно, да?

— Никогда, — я улыбнулась и забралась под одеяло.

Лили отложила расчёску и тоже легла, укутавшись в одеяло до подбородка.

Лили вдруг повернулась на бок и посмотрела на меня.

— Алиса, как ты поняла? Ну... с ректором. Что это серьёзно.

Я задумалась.

— Наверное, когда он прыгнул за мной из кареты. А ты?

Лили замолчала. Я думала, она уснула. Но потом она тихо, едва слышно произнесла:

— Мне кажется, Моргана смотрит на Кевина. Даже когда он не шутит. Особенно когда он не шутит.

Я приподнялась на локте.

— Ты у неё спросила?

— Нет! — Лили даже замахала руками под одеялом. — Я

не могу. Это же Моргана. Она... ну, ты знаешь.

Я знала. Моргана была крепостью. Но даже у крепостей бывают трещины.

— Может, она сама скажет, — предположила я. — Когда будет готова.

Лили вздохнула и уткнулась в подушку.

В комнате стало тихо — только Огурчик тихо урчал в своём горшке да где-то в углу заворочался Эдгар, устраиваясь на ночлег.

— Алиса, — позвала Лили уже сквозь сон.

— М?

— Скоро сессия. Ты помнишь?

Я помнила. Боевая магия и некромантия. Два предмета, по которым я пропустила больше всего.

— Помню, — ответила я.

— Ты справишься, — прошептала она. — Ты всегда справляешься. Даже когда тебя пытаются убить. Даже когда всё идёт не по плану.

— Спасибо, Лили.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи.

Она засопела почти сразу — мирно, размеренно, как человек, у которого совесть чиста и завтрашний день не сулит ничего страшного. Я лежала и смотрела в потолок, на руны, которые слабо светились, пульсируя в такт нашему дыханию. Сессия. Завтра. Что ж, могло быть и хуже. Могло быть ещё

одно покушение.

Я закрыла глаза. Где-то далеко, за стенами Института, был враг. Где-то в хранилище лежал Кевин. Где-то в Ковене Дамиан решал важные вопросы и, может быть, думал обо мне. А здесь, в этой комнате, было тепло и тихо. Мирно. Как в детстве, когда за окном гроза, а в комнате горит ночник.

С этой мыслью я провалилась в сон.

Глава 4: Если день начался с плохого знака, а закончился... неожиданно — это уже твоя странная закономерность

Прошло несколько дней. Я ходила на пары, сидела на лавке, смотрела, как другие повторяют щиты, а это утро началось с того, что Лили, уже полностью одетая и с расчёской в руках, жизнерадостно сообщила:

— Сегодня сессия!

Я замерла с одним тапком в руке. Второй так и остался лежать под кроватью — тот самый, уцелевший после инцидента с факелом.

— Что?

— Сессия, — повторила Лили, ничуть не сбавляя энтузиазма. — Промежуточная. Боевая магия первым экзаменом. Ты же помнишь?

Я помнила. Смутно. Где-то на задворках сознания, заслонённое покушением, тремя днями без сознания и мыслями о портале, Кевине и Дамиане. Но теперь, когда Лили произнесла это слово вслух, реальность обрушилась на меня, как та самая магическая сеть.

— Подожди, — я наконец нашарила тапок и села на кро-

вать. — Последние пары мы же... мы же почти ничего нового не проходили. Мы всё время повторяли старое!

— Именно! — Лили просияла. — Потому что перед сессией всегда повторяют. Чтобы подготовиться. Ты что, не заметила?

Я не заметила. И теперь, кажется, понимала почему.

— Лили, — медленно произнесла я, — я же половину последних пар просидела на лавке.

— Ах да, — Лили чуть смутилась. — Лиара сказала, чтобы ты не напрягалась до полного восстановления. Помнишь? «На лавку, Ашерон. Будешь наблюдать». Ты наблюдала.

— Я наблюдала, — повторила я. — А в это время все отработывали щиты. Снова и снова. А я просто сидела.

— Ну... да, — признала Лили. — Но ты же видела, как они это делают! Ты же смотрела!

— Смотреть и делать — это разные вещи, Лили.

Я закрыла лицо руками. Вот и всё. Теперь понятно, почему я чувствую себя такой... неготовой. Я не просто пропустила три дня. Я ещё и на тех парах, которые посетила, сидела на лавке и «наблюдала». А теперь — сессия. Боевая магия. Первый экзамен. И Лиара, которая не делает скидок никому — даже тем, кого пытались убить.

— Ты справишься, — тихо сказала Лили. — Ты всегда справляешься.

Я отняла руки от лица и посмотрела на неё.

— Дай мне печеньё Морганы. Если уж проваливать сес-

сию — то хотя бы на сытый желудок.

Лили, заметив выражение моего лица, тут же попыталась исправиться:

— Ты справишься! Ты же у нас боевой маг. Лиара тебя ценит. Ну, по-своему. Тем, что не превращает в мишень.

— Пока, — мрачно добавила я.

Огурчик, сидевший на подоконнике, внёс свою лепту в утреннее настроение: он потянулся к моим конспектам по боевой магии, которые я вчера оставила на тумбочке, и попытался их сожрать. Лили едва успела отдёргнуть его за лист.

— Плохой знак, — пробормотала я, глядя на обслюнявленный уголок тетради.

— Он просто голодный! — Лили прижала Огурчика к груди. — Я забыла его покормить. Он не хотел ничего такого.

— Он хотел сожрать мои конспекты. Перед сессией. Это плохой знак, Лили.

— Это просто Огурчик.

Я вздохнула, встала и начала одеваться. Мантия, тетрадь, перо. Всё как обычно. Только внутри поселилось тревожное чувство, которое не имело никакого отношения к магии. Обычное, человеческое: «Я не готова».

Лили подошла и легонько тронула меня за плечо.

— Удачи, Алиса. Ты справишься. Ты всегда справляешься.

— Спасибо, Лили.

Я вышла в коридор. Впереди была боевая магия. И, ка-

жется, сегодня Лиара будет не просто в плохом настроении. Сегодня она будет принимать экзамен..

Я толкнула дверь аудитории боевой магии и вошла — как на казнь. Именно так: плечи расправлены, подбородок задран, а внутри всё дрожит мелкой противной дрожью. За моей спиной Лили шепнула: «Удачи!» — и скользнула на скамейку для зрителей, а я осталась стоять у входа, чувствуя, как несколько десятков пар глаз обращаются ко мне.

Аудитория сегодня выглядела иначе. Никто не стоял в кругах, разминая запястья. Никто не перешёптывался, обсуждая вчерашний ужин. Все сидели вдоль стен на длинных скамейках — те, кто уже сдал, и те, кто ждал своей очереди. В центре зала, где обычно проходили тренировки, сейчас было пусто. Только каменный пол, магические круги, выжженные в камне, и одинокая фигура.

Лиара.

Она стояла в центре, скрестив руки на груди. Серебристые волосы собраны в тугий хвост. Шрам через всё лицо — бледная полоса, которая никогда не заживёт до конца. Глаза — стальные, холодные, оценивающие. Она не была в плохом настроении. Она была в обычном. Что, в общем-то, одно и то же.

— Ашерон, — произнесла она, и её голос разнёсся под сводами, как удар клинка о камень. — Твоя очередь.

Я сглотнула и шагнула в круг.

Пол под ногами был холодным. Я чувствовала это даже

сквозь подошву тапок. Магические круги слабо светились — они активировались, почувствовав адепта. Где-то на границе сознания мелькнула мысль: «Вот так. Сейчас. Обратного пути нет».

— Правила те же, что и на тренировках, — произнесла Лиара. — Щиты, уклонение, контратака — по желанию. Я атакую, ты защищаешься. Оценивается скорость реакции, плотность щита и способность держать удар. Готова?

— Готова, — ответила я. Голос прозвучал ровно. Уже хорошо.

Лиара подняла руку. На её ладони начал формироваться шар — учебный, без острых краёв, но достаточно плотный, чтобы оставить синяк. Я видела, как он пульсирует, набирая силу. Мой собственный щит — я попыталась представить его: каменная стена, руны, как на двери в подвал, — но картинка рассыпалась.

Шар полетел.

Я выбросила руку вперёд. Щит вспыхнул — слабый, дрожащий, полупрозрачный. Шар ударился о него, пробил, как бумагу, и врезался мне в плечо. Я отшатнулась, но устояла. Плечо — то самое, которое ещё не до конца зажило после покушения, — отозвалось тупой болью.

— Ещё, — произнесла Лиара.

Второй шар. Я попыталась снова. Щит вышел плотнее, но недостаточно. Удар пришёлся в бедро. Третий шар — в грудь. Я пропускала их один за другим, и каждый раз мой

щит вспыхивал и гас, как свеча на ветру.

Злость. Мне нужна была злость. Я попыталась вспомнить что-то, что меня разозлит: Кайла, Вэйна, покушение, сеть, сжимающуюся вокруг меня. Но злость не приходила. Вместо неё была только усталость. Глубокая, вязкая, как кисель, усталость, которая накопилась за эти дни — после трёх дней без сознания, после швов на плече, после мыслей о портале и Кевине, после записки с буквой «Д». Я была выжата. И магия это чувствовала.

Четвёртый шар ударил меня в живот. Я согнулась, хватая ртом воздух. Пятый — в плечо, то же самое. Я вскрикнула — не столько от боли, сколько от бессилия. Звук получился глухим, сдавленным.

— Достаточно, — произнесла Лиара.

Я выпрямилась. Грудь вздымалась, плечо ныло, на глазах — слёзы? Нет, просто влага от напряжения. Я не плакала. Я никогда не плачу на людях. Но сейчас — сейчас было близко.

Лиара опустила руку. Шар на её ладони погас. Она посмотрела на меня — долгим, изучающим взглядом, тем самым, от которого хотелось провалиться сквозь каменный пол.

— Неуд, — произнесла она. Сухо. Без эмоций. Как будто констатировала факт: сегодня вторник, за окном оранжевое небо, Ашерон провалила экзамен.

Я кивнула. Что тут скажешь? Я провалила. Честно. Заслуженно. Мой щит был слабее, чем на первой тренировке. Моя

реакция — медленнее. Моё тело — изношенным. Я была не готова, и это было видно.

— Ты можешь идти, — добавила Лиара.

Я повернулась и пошла к скамейке. Лили смотрела на меня огромными, полными сочувствия глазами. Кевин — он, оказывается, тоже пришёл посмотреть, — перестал скрипеть тапками. Даже Моргана, сидевшая в углу, подняла голову от своих записей.

Я села. И только тогда позволила себе выдохнуть.

А потом подняла глаза — и встретила взглядом с Лиарой. Она всё ещё стояла в центре зала, готовая принимать следующего адепта. Но прежде чем вызвать его, она посмотрела на меня. И в её стальных глазах я увидела что-то, чего не ожидала.

Не презрение. Не насмешку. Не холодное равнодушие.

Там было... понимание? Или разочарование — но не во мне. Скорее, в ситуации. Как будто она знала: я могу лучше. Я должна лучше. Но сегодня — не мой день.

Лиара чуть заметно кивнула — то ли мне, то ли своим мыслям, — и вызвала следующего адепта.

Я сидела на скамейке, глядя в каменный пол, и пыталась понять: что я чувствую? Боль от ударов постепенно утихала, оставляя после себя тупую, ноющую пустоту где-то под рёбрами. «Неуд». Первый экзамен — и сразу «неуд». Я не просто провалила. Я провалила перед Лиарой. Перед той, которая меня выбрала.

Экзамен тем временем продолжался. Я заставляла себя смотреть — не из любопытства, а из какого-то горького чувства долга. Если уж я не могу сдать, то хотя бы увижу, как это делают другие. Может, чему-то научусь.

Другие справлялись. Кто-то лучше, кто-то хуже, но справлялись. Щиты вспыхивали и держались, шары отбивались в стороны, студенты уворачивались, атаковали в ответ. Лиара ставила оценки — коротко, сухо, без лишних слов. «Зачёт». «Зачёт». «Незачёт» — одному парню, который пропустил четыре шара подряд. Он вышел из круга красный и злой, но хотя бы не один.

А потом в круг вышла Лили.

Я подалась вперёд, вцепившись пальцами в край скамейки. Лили — моя соседка, моя подруга, моя эльфийка с цветом-убийцей и обиженными кувшинками. Она не боевой маг. Она — специалистка по магической ботанике. Но боевая магия — обязательный предмет для всех.

Лиара запустила первый шар. Лили выбросила руку — щит вспыхнул ровным, серебристым светом, плотным и уверенным. Шар отскочил, не оставив и следа. Второй шар — та же история. Третий — Лили даже не пошатнулась. Четвёртый — щит стал ещё ярче, словно она вошла во вкус.

— Зачёт, — произнесла Лиара.

Лили вышла из круга, покрасневшая, но довольная. Она нашла меня взглядом и улыбнулась — той самой тёплой, ободряющей улыбкой, от которой обычно становилось

легче. Но не сегодня. Сегодня её успех почему-то сделал всё только хуже.

Я смотрела на неё — на её сияющие глаза, на гордо расправленные плечи, на лёгкую походку — и чувствовала, как внутри разрастается что-то тёмное и липкое. Не зависть. Зависть — это когда ты хочешь, чтобы у другого отняли то, чего у тебя нет. Я не хотела, чтобы у Лили отняли её зачёт. Я хотела, чтобы у меня тоже получилось. Но у меня не получилось. И от этого было горько.

«Вот такая ты неумеха, Алиса. Лиара тебя выбрала, а ты не можешь даже щит нормально поставить. Лили — ботаник, и то сдала лучше тебя. О чём ты вообще думала все эти дни? О портале? О Кевине? О Дамиане? Это всё важно, но экзамен сдавать надо. А ты не сдала».

Экзамен закончился. Студенты потянулись к выходу, обсуждая результаты. Лили подошла ко мне, всё ещё улыбаясь, но, увидев моё лицо, тут же стала серьёзной.

— Алиса, — тихо сказала она. — Ты как?

— Нормально, — ответила я. Голос прозвучал глухо.

— Ты не нормально. Ты расстроена.

— Я в порядке, Лили. Пойдём. У нас следующая пара.

Я встала и пошла к выходу, не дожидаясь её. Она догнала меня в коридоре.

— Это всего лишь один экзамен, — сказала она, подстраиваясь под мой шаг. — У тебя ещё некромантия. И рунология. И ты можешь пересдать.

— Знаю.

— И ты не неумеха. Ты просто устала. Ты не восстановилась до конца. Лиара это понимает. Она поэтому и посадила тебя на лавку — чтобы ты берегла силы.

— Знаю.

— И вообще, — Лили взяла меня под руку, — ты — Алиса Ашерон. Ты пережила покушение. Ты открыла портал. Ты спасла всех нас. Какой-то несчастный «неуд» по боевой магии — это ерунда. Ты справишься.

Я остановилась и повернулась к ней.

— Лили, — сказала я, — спасибо. Правда. Но сейчас мне просто хочется дойти до аудитории, сдать следующий экзамен и забыть этот день как страшный сон.

Она вздохнула и кивнула.

— Хорошо. Я буду рядом.

И мы пошли дальше. Я — готовая позориться второй раз за день. Она — готовая поддерживать меня, даже если мне это не помогало. Потому что она — Лили. Моя подруга. Моя эльфийка. И это, наверное, единственное, что держало меня сейчас на плаву.

Аудитория некромантии встретила меня привычным полумраком и запахом сырой земли. Здесь всегда пахло так, будто где-то за стеной только что разрыли могилу. Возможно, так оно и было — с профессором Вейлом никогда нельзя было сказать наверняка.

Студенты рассаживались вдоль стен. Сегодня экзамен

сдавали по одному — так же, как у Лиары. Только вместо боевых шаров здесь были камни. Маленькие, серые, ничем не примечательные булыжники, которые нужно было поднять со стола силой некромантии. Вернее, не силой — просьбой. «Мертвые не любят приказов», — бубнил Вейл на каждой паре. «Мертвые любят, когда их просят».

Я села на скамейку и стала ждать своей очереди. Лили села рядом, но молчала — она уже поняла, что сейчас меня лучше не трогать. Кевин, который пришёл поддержать нас обеих, парил где-то сбоку и тихо скрипел тапками — видимо, в знак солидарности. Моргана сидела в углу, перебирая в пальцах какой-то амулет — то ли нервничала, то ли просто думала о своём.

Очередь двигалась. Студенты выходили в центр, поднимали камни — у кого-то получалось лучше, у кого-то хуже. Вейл сидел за своим столом, серый и неподвижный, как надгробная плита, и комментировал каждый результат своим обычным, растянутым голосом:

— Зачёт... неплохо... камень... поднялся... на пять... сантиметров... удовлетворительно...

— Следующий... адептка... Ашерон...

Я встала. Ноги были ватными. Лили сжала мою ладонь — быстро, ободряюще. Кевин скрипнул тапками. Моргана подняла глаза от амулета и едва заметно кивнула.

Я вышла в центр. На столе лежал камень — такой же, как на тренировках. Маленький. Серый. Безжизненный.

— Начинайте... — пробубнил Вейл.

Я протянула руку. Вспомнила прошлый раз — как я попросила камень подняться, и он поднялся. Не силой. Просьбой. Тогда это казалось чудом. Сейчас — насмешкой.

— Давай, — прошептала я камню. — Пожалуйста. Поднимись. Я знаю, ты можешь. Ты уже делал это раньше. Помнишь? Я попросила — и ты поднялся. Пожалуйста. Сейчас. Очень нужно.

Камень дрогнул. Чуть-чуть. Самую малость. По его серой поверхности пробежала лёгкая рябь — как будто он пытался оторваться от стола, но не мог.

Я сосредоточилась. Представила, как он взлетает. Как парит в воздухе, лёгкий и послушный. Я вложила в эту мысль всё, что у меня осталось: остатки магии, остатки сил, остатки веры в себя.

Камень дрожал. Но не взлетал.

— Давай же, — прошептала я. — Ну пожалуйста. Я тебя очень прошу.

Ничего. Он дёрнулся ещё раз — и замер. Как будто тоже сдался.

— Неуд... — пробубнил Вейл. — Камень... не поднялся... результат... неудовлетворительный...

Я опустила руку. В горле стоял ком. В глазах — влага, которую я отказывалась признавать слезами. Второй экзамен. Второй «неуд». Я провалила и боевую магию, и некромантию. Два предмета, по которым у меня была специализация

и хоть какой-то шанс.

Я развернулась и пошла к выходу. Лили что-то говорила мне вслед, но я не слышала. Кевин скрипел тапками. Моргана молчала.

Я вышла в коридор, прислонилась спиной к холодной каменной стене и закрыла глаза. Два «неуда». Полный провал. Я — боевой маг, которого выбрала сама Лиара. Я — Ключ, открывший древний портал. Я — спутница ректора, пережившая покушение и падение с неба. И я не смогла поднять камень.

Вот так. Просто камень. Просто экзамен. Просто Алиса.

Я не пошла в столовую сразу. После некромантии мне нужно было побыть одной. Просто пройтись. Просто подышать. Просто попытаться понять, почему всё пошло не так.

Ноги сами принесли меня в Галерею Черепов. Я не планировала сюда идти — но, наверное, подсознание решило, что компания мёртвых магов сейчас самая подходящая. Черепа смотрели на меня пустыми глазницами. Некоторые — с сочувствием. Некоторые — с укоризной. А один, с трещиной на лбу, кажется, просто спал.

— Привет, — сказала я ему. — У меня два «неуда». Как думаешь, это конец?

Череп не ответил. Наверное, он тоже считал, что два «неуда» — это не конец. Или просто был мёртв. С черепами никогда нельзя сказать наверняка.

Я вздохнула и пошла дальше. В столовую.

Лили, Кевин и Моргана уже сидели за нашим обычным столом. При моём появлении Лили вскинулась, готовая броситься ко мне с объятиями, но, увидев выражение моего лица, осталась на месте. Кевин перестал скрипеть тапками. Моргана просто подвинула ко мне тарелку с печеньем.

Я села.

— Два «неуда», — сказала я. — Боевая магия и некро-
мантия. Оба.

— Ой, — выдохнула Лили. — Алиса, мне так жаль...

— Ничего страшного, — перебил Кевин, скрипнув тапками. — Подумаешь, сессия. После покушения сессия — это вообще не страшно. Вот когда на тебя падает магическая сеть и ты три дня лежишь без сознания — это страшно. А экзамены... ну, пересдашь. Что такого?

— Меня выбрала Лиара, — глухо произнесла я. — Она дала мне специализацию. Она сказала: «Ты — мой боевой маг». А я не смогла поставить щит.

— Ты не смогла поставить щит *сегодня*, — поправила Лили. — Потому что ты устала. Потому что ты не восстановилась. Потому что у тебя была куча причин, и все они — уважительные.

— Но Лиара не сделала скидку.

— Лиара никогда не делает скидок, — тихо сказала Моргана, не поднимая глаз от чашки. — Даже себе. Особенно себе. Но это не значит, что ты безнадёжна. Это значит, что она видит в тебе потенциал. И требует больше, чем от других.

Я помнила её слова: «Ты — мой боевой маг. А мой боевой маг должен быть лучшим». Тогда это звучало как обещание. Сейчас — как приговор.

Моргана молча пододвинула печенье ещё ближе. Я взяла одно. Откусила. Шоколадное. С лёгкой горчинкой. Вкусное, как всегда.

— Спасибо, — сказала я. — За печенье. За то, что вы здесь.

— Куда бы мы делись, — хором ответили Лили и Кевин.

Я попыталась улыбнуться. Улыбка вышла кривоватой, но настоящей. Они были рядом. Мои друзья. Мои странные, нелепые, прекрасные друзья. И это было единственное, что сейчас держало меня на плаву.

Но внутри всё равно была пустота. Глубокая, вязкая, как тот самый кисель, в который превратился воздух перед покушением. Я провалила два экзамена. Я подвела Лиару. Я подвела себя. И, кажется, вечером меня ждал ещё один разговор — с ректором. Который будет в ярости.

Я откусила ещё печенье. Моргана молча пододвинула третье. Лили гладила меня по плечу. Кевин скрипел тапками — теперь уже в ритме колыбельной.

И где-то в глубине души, под слоем пустоты, я знала: они правы. Это не конец. Это просто трудный день. Но пока что — очень, очень трудный.

Я дожёвывала третье печенье, когда в столовой вдруг стало тише. Не так, как бывает, когда входит ректор — тогда

тишина наступает мгновенно и оглушительно. Нет, на этот раз тишина была другая: ритмичная. Как будто кто-то стучал костями по каменному полу. Знакомый стук.

Я обернулась. Джонатан шёл через столовую с планшетом в руках. Студенты провожали его взглядами — одни с любопытством, другие с лёгкой тревогой. Скелет-бухгалтер, который лично явился в столовую в разгар дня — это было необычно. Скелет-бухгалтер, который шёл прямо к нашему столу — тем более.

Он остановился рядом со мной и выпрямился во весь свой костяной рост.

— Адептка Ашерон, — произнёс он официальным тоном. — Ректор вызывает. Срочно.

Лили тихо охнула. Кевин перестал скрипеть тапками. Моргана подняла глаза и посмотрела на меня — в её взгляде читалось что-то среднее между сочувствием и тревогой.

Я отложила печенье. Внутри всё сжалось.

— Прямо сейчас?

— Именно, — подтвердил Джонатан. — Ректор сказал — срочно. А когда ректор говорит «срочно», это значит «уже вчера». Я бы на вашем месте поторопился.

Я встала. Ноги были ватными — впрочем, как и весь день. Лили тронула меня за рукав.

— Может, он просто хочет поговорить? — прошептала она. — Не обязательно о сессии.

— О чём же ещё? — тихо ответила я. — О погоде?

— Ну... о портале? О Кевине? О покушении?

— Лили, он вызывает меня срочно в день, когда я провалила два экзамена подряд. Это не о погоде.

Я развернулась и пошла за Джонатаном. Он шагал впереди, стуча костями по каменному полу, и по пути комментировал — впрочем, как всегда.

— Экзамены — стрессовое мероприятие, — сообщил он. — Я внёс это в отчёт. Пункт... отсутствует. Но я создам. Также я зафиксировал, что вы провалили два предмета. Это не регламент. Просто констатация факта.

— Спасибо, Джонатан, — пробормотала я. — Ты очень поддерживаешь.

— Я стараюсь.

Мы подошли к двери кабинета ректора. Я остановилась. Джонатан остановился рядом.

— Адептка Ашерон, — добавил он тише. — Ректор сегодня в ярости. Я редко вижу его в таком состоянии. Последний раз — когда вы упали из кареты. Но тогда в ярости было больше страха. Сейчас — больше... педагогического гнева. Я бы посоветовал приготовиться.

— Спасибо, Джонатан. Ты удивительно чуткий для скелета.

— Я знаю, — скромно ответил он и удалился, цокая языком, которого у него не было.

Я перевела дыхание и постучала в дверь.

— Войдите, — раздался ледяной голос.

Я вошла. Дамиан стоял у окна, спиной ко мне. Его плечи были напряжены, руки сцеплены за спиной. Он не обернулся. На столе лежали два пергамента — видимо, результаты экзаменов. Рядом стоял графин с водой. Чайника не было. Плохой знак.

— Садись, — произнёс он.

Я села. Он молчал. Тишина в кабинете была такой плотной, что её можно было резать ножом. Я смотрела на его спину и ждала.

А потом он повернулся. И начал говорить.

— Два «неуда», — произнёс он ледяным тоном. — Боевая магия. Некромантия. Боевая магия — твоя специализация, Алиса. Единственная. Ты — мой боевой маг, и ты не сдала свой собственный предмет. А некромантия... ты же поднимала камень на занятии. У тебя получалось. И сегодня ты тоже могла бы сдать, если бы не...

Он замолчал, подбирая слово. Я сидела, вжавшись в спинку кресла, и чувствовала себя провинившейся студенткой. Чем, собственно, и являлась.

— Я не решала, — тихо сказала я. — Насчёт специализации. Я не сказала «да». Я не говорила, что беру её.

Дамиан замер.

— Лиара выбрала меня, — продолжила я, глядя в пол. — Она сказала: «Думайте». А я так и не ответила. Ни «да», ни «нет». Я просто... продолжила ходить. Продолжила тренироваться. Но я не принимала решения. Может, я не боевой маг.

Может, я просто... никто.

— Ты не никто, — резко перебил он. — Ты — Алиса Ашерон. И то, что ты не ответила Лиаре, не отменяет того, что она тебя выбрала. И того, что ты способна на большее.

— Сегодня я не была способна, — прошептала я. — Даже на малое. Если бы не покушение, — вздохнула я. — Если бы не три дня без сознания, если бы не швы на плече.

— Не надо, — отрезал он. — Не прикрывайся этим.

— Я не прикрываюсь! Это факт!

— Факт в том, — он шагнул ко мне, и его серебряные глаза вспыхнули, — что ты могла попросить помощи. И не попросила. Ты же ничего не понимаешь в некромантии, Алиса! Ты не понимаешь, как работают щиты после магического истощения! Ты не понимаешь, что твоё тело ещё не восстановилось! Но вместо того чтобы прийти ко мне — или к Лиаре, или к Вейлу, или хоть к кому-нибудь, — ты решила, что справишься сама.

— Я думала...

— Ты не думала! — он почти кричал. — Ты просто шла на экзамен, как на казнь, и надеялась, что пронесёт. Не пронесло. Ты сегодня исполнила, так исполнила, Алиса. Два «неуда» — это надо постараться.

Я почувствовала, как внутри закипает злость. Та самая, которой так не хватало на экзамене.

— А что я должна была сделать?! — я вскочила с кресла. — Прийти к тебе и сказать: «Дамиан, я не готова, помоги

мне, пожалуйста»? Ты был в Ковене! Ты оставил записку и уехал! К кому мне было идти?!

— К Лиаре! — он шагнул ко мне, и теперь мы стояли лицом к лицу. — К Вейлу! К Грейвсу! К любому преподавателю, который может объяснить то, чего ты не понимаешь. Ты не всемогущая, Алиса! Ты не можешь просто так взять и сдать экзамен, если ты не готова! Чтобы что-то получить, надо развиваться! Учиться! Тренироваться! А ты что делала?

— Я лежала без сознания! — выкрикнула я. — После того, как меня пытались убить! Прости, что не тренировалась в отключке!

— А до этого? — он прищурился. — Ты думала о чём угодно, кроме учёбы. Это важно, но экзамены никто не отменял. Ты хочешь быть боевым магом? Хочешь носить фамилию Ашерон? Хочешь управлять порталом? Тогда будь добра — учись. Развивайся. Работай. А не надейся на «авось».

Я замолчала. Его слова били точно в цель — потому что он был прав. Да, я думала о портале. Да, я переживала за Кевина. Да, я скучала по нему, когда он уехал в Ковен. Но экзамены действительно никто не отменял. И я действительно не попросила помощи, когда она мне была нужна. Потому что гордая. Потому что «я сама». Потому что «я — Ключ, я справлюсь».

— Не заметно, что справилась, — произнёс он, будто прочитав мои мысли.

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня — уже не с яростью. Скорее, с усталостью. И с чем-то ещё, что я не могла расшифровать.

— Я просто хочу, чтобы ты была в порядке, — сказал он тише. — А ты снова и снова рискуешь. Снова и снова лезешь туда, где не готова. Я не могу смотреть на это спокойно. Я не могу.

Я ничего не ответила. Просто стояла и смотрела на него. На мужчину, который выпрыгнул за мной из кареты. Который сидел у моей кровати три дня. Который сейчас ругался на меня — но не потому, что злой. Потому что боится. За меня.

— Я поняла, — тихо сказала я. — Я... я постараюсь. Правда.

Он выдохнул. Долгий, тяжёлый выдох. Потом отвернулся к окну.

— Завтра, — произнёс он уже спокойнее. — Завтра я покажу тебе, как работают щиты после истощения. А пока — у меня есть к тебе предложение.

— Какое? — я напряглась.

Он повернулся. И на его губах заиграла та самая усмешка — уголком губ.

— Завтра, — повторил он. — Я приглашаю тебя на свидание. Будь готова.

Я уставилась на него, пытаюсь осознать услышанное. Минуту назад он почти орал на меня так, что графин дрожал. А

теперь стоит с этой своей усмешкой и говорит о свидании.

— Подожди, — медленно произнесла я. — Ты меня вы-
звал, чтобы отругать или чтобы пригласить на свидание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.